Кн. Эсперъ Ухтомскій.

событіяхъ въ Китаѣ.

Объ отношеніяхъ Запада и Россіи къ Востоку.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Паровая Скоропечатня «ВОСТОКЪ» Шпалерная, 26.
1900

Кн. Эсперъ Ухтомскій.

Къ событіямъ въ Китаѣ.

Объ отношеніяхъ Запада и Россіи къ Востоку.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Паровая Скоропечатня «ВОСТОКЪ», Шпалерная, 26.
1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 9 Іюля 1900 года.

Западъ можетъ ожидать отъ современной Азіи многихъ политическихъ осложненій. Мы стоимъ тамъ, внѣ всякаго сомнѣнія—наканунѣ великихъ катастрофъ. Движеніе, охватившее пока лишь часть Китая и, конечно, всею тяжестью обрушивающееся на Россію за ея, надо надѣяться, временное и случайное отождествленіе своихъ интересовъ съ интересами другихъ хищнически настроенныхъ и лукаво дѣйствующихъ державъ,—это движеніе грозитъ разростись до небывалыхъ размѣровъ, увлекая въ страшный водоворотъ и тѣ элементы, которые еще недавно могли считаться совершенно индифферентными и нейтральными по отношенію Дальняго Востока,—а именно объединяющійся общею фанатическою идеею мусульманскій міръ... Зловѣщіе отголоски тому уже слышатся въ его печати. Думать, что Индія останется вполнѣ спокойной, когда половина роднаго ей материка заговоритъ, нѣтъ никакого основанія. Скорѣе къ осени случится наоборотъ,—и англичанамъ, право, слѣдуетъ быть тамъ болѣе насторожѣ, чѣмъ на пэчжилійскомъ побережьи и въ бассейнѣ Янъ-цзы-цзяна... Когда слышишь про посылку французами изъ Индо-Китая отряда аннамитовъ подъ Тянь-цзинь, невольно рисуешь себѣ душевное состояніе этихъ солдатъ, сталкивающихся на берегу Пэйхо съ родственными имъ по внѣшности японцами,—войскомъ державы, за которою теперь чуть-ли не ухаживаетъ Европа, прося азіатовъ помочь Западу противъ Востока. Не отзовется-ли рано или поздно подобная аномалія на дальнѣйшемъ спокойствіи хотя бы въ тѣхъ же индокитайскихъ владѣніяхъ Франціи? Если же въ нихъ опять разгорится искра мятежа, то французамъ положительно будетъ не до экспедицій въ Сѣверный Китай. А въ случаѣ оправдаются болѣе чѣмъ

положительные слухи объ усиливающемся броженіи среди индійскихъ подданныхъ королевы-императрицы,—то силы, направленныя теперь въ восточную Азію изъ Индіи, немедленно туда вернутся. Что останется тогда отъ «концерта» правительствъ при явномъ нежеланіи американцевъ завязнуть въ новой войнѣ и при весьма возможномъ движеніи Японіи на Корею, подъ предлогомъ, что «Большіе кулаки» перебросились и къ ея предѣламъ, гдѣ необходимо поддержать должное равновѣсіе?

Въ виду тоскливаго напряженія, съ которымъ всѣ ждутъ вѣстей изъ далекой Азіи, я подумалъ, что своевременно, быть можетъ, связать въ одно цѣлое рядъ отдѣльныхъ набросковъ и размышленій, написанныхъ и напечатанныхъ мной за послѣдніе года, пока на «желтую опасность», на царство богдыхановъ почти не обращалось вниманія. Судить о Китаѣ и отношеніяхъ къ нему западнаго міра по моему нельзя, если не принимать въ соображеніе всего взаимодѣйствія между этимъ послѣднимъ и первозданнымъ Востокомъ, аванпостомъ котораго является Индія. Только отдавая себѣ отчетъ въ тѣхъ несправедливостяхъ, которыми ознаменовалось наступленіе «бѣлаго» человѣка на родину Будды, въ Индо-Китай и далѣе, можно произнести безпристрастно сужденіе о событіяхъ, свидѣтелями и косвенными участниками которыхъ намъ приходится быть. Не на Россіи лежитъ вина, что они становятся чѣмъ-то ужасающимъ. Наша политическая роль до сихъ поръ была исключительная и во многихъ отношеніяхъ благодарная. Если мы это сознаемъ и не шагнемъ впередъ въ заповѣднѣйшую глубь азіатскаго материка, съ цѣлями разрушенія на европейскій меркантильный ладъ, то ключъ къ истолкованію совершающагося и средства предотвращать или, по крайней мѣрѣ, отсрочивать нѣкоторыя въ грядущемъ неминуемыя

осложенія и острые фазисы новаго восточнаго вопроса само собой легко найдутся. Намъ необходимо лишь держаться историческаго пути и ни на одно мгновеніе не терять изъ виду своихъ прямыхъ задачъ въ родной и близкой намъ по духу Азіи.

Іюль, 1900 г.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНІЕ БРОШЮРЫ:

I.

Думать, будто двѣ трети человѣчества, въ силу какого-то фатализма и прирожденной косности, чуть-ли не вѣчно останутся нѣмы и мертвы, чуть-ли не сказали своего послѣдняго слова на аренѣ міроваго развитія и міровыхъ событій, противорѣчило бы дѣйствительному положенію вещей: намъ — русскимъ особенно важно и любопытно вникнуть въ несостоятельность подобнаго обобщенія западниковъ, ибо наше прошлое и прошлое самой типичной восточной страны (Индіи) до мелочей сходны и родственны, одинаково смутны и печальны въ матеріальномъ отношеніи, въ совершенно равной мѣрѣ заключаютъ въ себѣ залогъ обновленнаго будущаго и увѣренной борьбы за свои исконныя права.

Согласиться съ тривіальной европейской точкой зрѣнія на инородческіе міры, значитъ подписать жалкій приговоръ самимъ себѣ, какъ государству и какъ племени съ преобладающими надъ всѣмъ остальнымъ мистически окрашенными высокими идеалами. Тамъ, за Алтаемъ и за Памиромъ, та же неоглядная, неизслѣдованная, никакими еще мыслителями не сознанная допетровская Русь съ ея непочатой ширью преданія и неизсякающей любовью къ чудесному, съ ея смиренной покорностью насылаемымъ за грѣховность стихійнымъ и прочимъ бѣдствіямъ, съ отпечаткомъ, наконецъ, строгаго величія на всемъ своемъ духовномъ обликѣ.

Сближеніе туземцевъ Индіи съ русскимъ простонародьемъ многими должно быть сочтено тенденціознымъ, почти невѣроятнымъ или же просто-нàпросто фантастическимъ. Случайное подтвержденіе того, что не мнѣ одному аналогія рѣзко бросалась въ глаза, я нашелъ, между прочимъ, въ старой трехтомной книгѣ епископа Хебера, которая издана, когда «о нашемъ наступательномъ возсоединеніи съ Азіей» англичане серьезно и не помышляли... Замѣтки названнаго автора относятся къ двадцатымъ годамъ, послѣ того какъ онъ посѣтилъ Россію и проѣхалъ ее отъ столицы до южныхъ границъ, оставаясь подъ неизгладимымъ впечатлѣніемъ церквей и палатъ

Кремля, подобіе коего иногда ему чудилось потомъ въ Индіи при видѣ иного колоссальнаго сооруженія.

Духомъ старой Москвы повѣяло на Хебера, лишь только онъ вступилъ на бенгальскую почву. Раджпутскіе и маратскіе вершники, сопровождавшіе его при оффиціальныхъ передвиженіяхъ по гигантской епархіи, казались ему схожими съ кубанскимъ казачествомъ: видно, недаромъ въ Индостанѣ принято именовать «козаками» тамошнихъ смѣлыхъ конныхъ, а то даже пѣшихъ воиновъ (напр. джатовъ, во главѣ которыхъ до сихъ поръ выдѣляется бартпурскій махараджа у Агры, своевременно являвшійся тамъ въ 1890 г. съ визитомъ къ Августѣйшему Атаману казачьихъ войскъ), которые воспитаны поэзіей непрерывнаго боеваго напряженія и удалыхъ наѣздовъ...

Безъ сомнѣнія чѣмъ глубже станутъ всматриваться въ индійскую исторію и въ индивидуальныя качества населяющихъ ея полуостровъ рассъ, тѣмъ опредѣленнѣе могутъ сдѣлаться извѣстные тезисы объ этой странѣ, вызывающей въ насъ все бòльшій и бòльшій какъ-бы инстинктивный интересъ. Разъ что понятія «Россія» и «Востокъ»,—подразумѣвая подъ послѣднимъ совокупность культурныхъ особенностей ислама, браманизма, буддійскихъ развѣтвленій, конфуціанства и т. п.,—поставлены будутъ исторіософами въ одну органически цѣльную группу жизненно стойкихъ народовъ,—ихъ одинаково рѣзкое отличіе отъ западныхъ націй съ ихъ минувшимъ и настоящимъ ясною истиной мало-по-малу выяснится всякому безпристрастному наблюдателю.

Хотя на первый взглядъ очень трудно уловить между Россіей и Индіей что-нибудь общее въ историческомъ отношеніи, а тѣмъ болѣе представляется невозможнымъ проводить между столь далекими и повидимому столь не однородными странами основанную лишь на нѣкоторыхъ крайне любопытныхъ фактахъ параллель,—тѣмъ не менѣе намѣтить ее, рано или поздно, кому-нибудь все равно надо: поэтому именно русскому особенно интересно привести подобныя мысли въ извѣстную связь.

Занятый англичанами на югѣ Азіи обширнѣйшій край въ сущности представляетъ собою самую смѣшанную, пеструю амальгаму народностей, вѣрованій и культуръ,—онъ всетаки, въ своихъ главнѣйшихъ основахъ, строго отмѣченъ отпечаткомъ арійскаго духа. Этотъ духъ очень давнихъ и гордели-

выхъ пришельцевъ, постепенно колонизировавшихъ страну, передавался и передался въ теченіе вѣковъ отдаленнѣйшимъ областямъ и даже уголкамъ Индіи. Этотъ духъ неискоренимо жилъ и живетъ въ сердцахъ большинства ея обитателей. Сами англичане указываютъ, какъ на несомнѣнную и характерную истину, что они отвоевали и отняли ее не у мусульманскихъ правителей, а у языческихъ князей, такъ какъ въ прошломъ и нынѣшнемъ вѣкѣ индуизмъ (въ лицѣ маратовъ, а затѣмъ отчасти и сикховъ) безспорно занялъ первенствующее мѣсто на своей великой родинѣ. Подобная живучесть свидѣтельствуетъ о глубинѣ національнаго сознанія (въ широкомъ смыслѣ слова) даже среди народовъ, разобщенныхъ и какъ бы ненавидящихъ другъ друга. Какая-то незримая сила постоянно составляла и упорно составляетъ подпочву всего, на чемъ зиждется, выростаетъ, развивается и, даже погибая, принимаетъ тождественный по идеѣ, хотя и преобразованный видъ крайне сложная психическая жизнь 200—300 милліоновъ туземцевъ.

Борющіеся съ автохтонами Пятирѣчья и Деккана, мощные арійцы Ведъ и позднѣйшаго индійскаго эпоса — тѣ же славяне, осѣдающіе по лѣсамъ и у рѣкъ доисторической Россіи, гдѣ уже издревле разсѣяно множество инородческихъ элементовъ, напоминающихъ чернокожую своеобразно цивилизованную «чудь», которую кшатріи принимались истреблять, а брамины и пахари силились обратить, углубляясь въ глушь неизвѣданнаго полуострова... Какъ только этотъ двоякій (внѣшній и внутренній) процессъ тамъ совершился до извѣстнаго предѣла (и у насъ встарь князья съ дружиною при малѣйшей нуждѣ охотно искореняли «нечистыхъ» инородцевъ, пока шедшій въ дебри крестьянинъ и пламенѣвшій ревностью миссіонеръ подготовляли грядущее сближеніе и сліяніе), на Индію сталъ наступать грозный и трудно примиримый степной Туранъ, единовременно двигавшій свои варварски-хищныя орды на удѣльную Русь. И тамъ, и тутъ результатъ подобнаго вторженія и вліянія грубыхъ началъ на основы государственнаго строя и народнаго быта привелъ къ невольному самоуглубленію и неисчерпаемый по составу браминскій міръ, и наше отягченное «ношей крестной», многострадательное великорусское племя. Затѣмъ, съ обѣихъ сторонъ, началась реакція,—едва замѣтная на глазъ, но чрезвычайно послѣдовательная и знаменательная по своему творческому на-

пряженію. Въ эпоху, когда Индостанъ и Московское царство, поверхностно судя, сильно поддались басурманскимъ обычаямъ, слегка потеряли арійскій обликъ, отчасти приняли совершенно туранскую окраску (что, между прочимъ, выразилось хотя-бы напр. въ томъ, какъ сложилась высшая придворная жизнь въ Бѣлокаменной и въ послѣднемъ Дэли, вознесшемся къ славѣ при помощи раджпутскаго меча и даровитости подданныхъ—индусовъ),—характеръ обоихъ дворовъ, ихъ отношенія къ иноземщинѣ, полуварварская роскошь и до щепетильности доведенный этикетъ—все дышетъ далеко не случайнымъ сродствомъ и олицетворяетъ глубокій Востокъ, въ которомъ больше ассиро-вавилонскаго и скиѳскаго, чѣмъ славянскаго или вообще европейскаго. И вдругъ нѣдра Россіи, а за Гималаями Декканъ (преимущественно же конканское побережье) приблизительно въ тотъ же періодъ просыпаются съ расширеннымъ сознаньемъ!

Средняя Азія, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ тревожившая и насъ, и Пятирѣчье немолчнымъ прибоемъ безпокойныхъ степей, мало-по-малу почувствовала незыблемую стѣну передъ собой,—живую стѣну сплотившихся бойцевъ—арійцевъ (по языку и культурѣ), рѣшившихъ отбросить и умалить ненавистный Туранъ. Подобно русской вольницѣ и отважной голытьбѣ, двигавшейся противъ него въ качествѣ передовыхъ застрѣльщиковъ, свободолюбивые сикхи страшными ударами потрясли исламъ, съ юга же отъ Дэли (словно изъ нашихъ центральныхъ губерній) стали неотразимѣе и неотразимѣе наступать когда-то мирные и добродушно настроенные мараты, безсознательно выросшіе до степени героевъ и носителей національнаго, довольно еще туманнаго идеала. Отъ престижа Моголовъ, отъ преобладанія тюркской рассы вскорѣ сохранилась одна (и то расплывающаяся!) тѣнь. Индуизмъ торжествовалъ, смѣло могъ праздновать побѣду, обѣщалъ обратить родные ему края въ нѣсколько федеративныхъ государствъ древне-языческаго типа, со здоровой въ корнѣ основой. Если бы это дѣйствительно случилось, то въ предѣлахъ страны, имѣющей религіознымъ центромъ Бенаресъ, въ непродолжительномъ времени, быть можетъ, начала бы вырабатываться непринужденная и самостоятельная потребность къ образованію, просвѣщенію, гуманизму и т. п. (что въ виду свойственной народамъ Востока быстротѣ воспріимчивости, отъ разумнаго соприкосновенія

съ европейской цивилизаціей, легко дало бы тѣ же плоды, какъ и у насъ при зарожденіи наукъ и искусствъ съ XVIII на XIX столѣтіе). Но судьба судила иное. Юная, возроставшая изъ праха, независимая по духу и вѣрная исконнымъ традиціямъ Индія испытала новое паденіе вслѣдствіе прихода и воцаренія въ ней горсти пришельцевъ—эксплоататоровъ съ Запада. Всѣ тѣ бѣды, которыя могли насъ ожидать, если бы Россія полтораста лѣтъ назадъ, шагнувъ на пути прогресса, не высвободилась бы рѣшительно и безповоротно изъ-подъ непрошенной опеки заграничныхъ авантюристовъ, привыкшихъ зачастую смотрѣть на наше отечество точно на тучную ниву, съ которой имъ дозволено жать, ничего не сѣючи и не вспахавъ,—всѣ эти бѣды, повторяю, какъ-бы незамѣтно обрушились на несчастную родину буддизма. Летаргическій сонъ оковалъ ее на нѣсколько поколѣній. Пока тождественный съ ней по историческому складу сѣверный колоссъ развернулся и все еще съ каждымъ днемъ развертывается, открывая накопленное за 1000 лѣтъ психическое наслѣдіе борьбы и взаимноотношеній съ финно-монголо-татарскими наслоеніями, — Индія нѣмѣетъ подъ гнетомъ своихъ безпочвенныхъ университетовъ и прочихъ дорого стоющихъ, но энергично прививаемыхъ благъ... За то сколько проніи таится въ словахъ: «туземные конгрессы», «туземная необуздываемая печать», наконецъ «туземныя права быть гражданами великой колоніальной имперіи»!...

Оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ о степени и причинахъ нашего внутренняго сродства съ Индіей, нельзя однако не отмѣтить нѣкоторыхъ характерныхъ особенностей въ духовно-исторической жизни обѣихъ странъ. Эти особенности такъ странны, такъ рѣзко поражаютъ, если надъ ними призадуматься, такъ въ своемъ родѣ замѣчательны и достойны внимательнаго разслѣдованія, что не далекъ часъ, когда о нихъ серьезнѣе и безъ предубѣжденія заговорятъ. Вотъ тѣ случайные, въ сущности общеизвѣстные факты, о которыхъ стоитъ сказать двa-три слова. Почему въ XIII—XIV вѣкахъ языческая Литва, оборонявшаяся противъ суровыхъ крестоносцевъ, удивительно напоминаетъ и какъ-бы повторяетъ собою (по обычаямъ и величію характера борцевъ) рыцарски настроенную, грозную мусульманамъ Раджпутану? Князь Маргеръ, изнемогшій при осадѣ роднаго городка и спокойно рѣшившійся, вмѣсто сдачи врагу,

принести въ жертву пламени женщинъ, дѣтей, сокровища, кумировъ своей крѣпости, — чтобы потомъ, соорудивъ изъ всего дорогаго и завѣтнаго страшный погребальный костеръ, бѣшено ринуться на послѣдній бой съ «нѣмцами»,—развѣ этотъ Маргеръ и его окружающіе чѣмъ-нибудь отличаются отъ индѣйскихъ махараджей средневѣковаго типа, которые, удушивъ въ дыму слабый полъ и облекшись въ одежды шафрановаго цвѣта, бросались на вѣрную смерть въ мусульманскій станъ съ высоты поколебленныхъ Тураномъ древне-арійскихъ кремлей?!.. Но вѣдь литовцы того періода въ сущности—олицетвореніе нашей же тождественной съ загималайскими землями Руси!

А какими, спрашивается, путями надо истолковывать непостижимое, именно индуизму свойственное предубѣжденіе нашихъ раскольничьихъ общинъ, осквернять себя вкушеніемъ пищи совмѣстно съ иновѣрцами, хотя бы разногласіе въ религіозномъ отношеніи было даже крайне ничтожно и поверхностно, коренясь преимущественно въ унаслѣдованной косности мыслей? Затѣмъ: неужели въ изувѣрствѣ нашихъ иныхъ сектантовъ XVII-го столѣтія, въ ихъ жаждѣ саморазрушенія, самосожженія не видѣть чисто индійскихъ чертъ? Почти неизслѣдованные и загадочные «душители» (тюкальщики), среди русскихъ отщепенцевъ отъ православія, развѣ только по звуку представляютъ аналогію съ «тюгами», избиравшими преступный родъ дѣятельности исключительно въ угоду религіи?

Высказывать по этому поводу что-либо опредѣленное пока чрезвычайно трудно. Всякая смѣлая гипотеза въ столь богатой неожиданными сближеніями области фактовъ отчасти преждевременна, отчасти безпочвенна. Можно чутьемъ быть непосредственно у истины, не имѣя еще достаточныхъ данныхъ, чтобы ее формулировать. Одно, впрочемъ, кажется вполнѣ яснымъ и неоспоримымъ: мы непомѣрно много должны были безсознательно впитать въ себя изъ Индіи въ тяжелую эпоху колонизаціи своихъ заволжскихъ окраинъ, когда русскіе полоненники ежегодно тысячами увлекались на басурманскую чужбину, продавались съ базаровъ Хивы и Самарканда пышнымъ вельможамъ Моголовъ, подолгу влачили рабское существованіе между язычниковъ, которые этимъ невольникамъ естественно представлялись симпатичнѣе и ближе обоюдныхъ господъ-мусульманъ,—

незамѣтно возвращались иногда на родину съ претворенными взглядами на духовный міръ, съ иноземными предразсудками первобытно-жизненнаго свойства, со складомъ религіозныхъ умозрѣній, способнымъ нравиться нашему патріархально мыслящему простонародью... Вотъ откуда, вѣроятно, происходилъ упорный токъ странныхъ воззрѣній, исключительныхъ чувствъ, мистическихъ порывовъ,—пожалуй, и самозарожденныхъ въ глубинѣ русскаго сравнительно новѣйшаго сознанія, но едва-ли не подъ прямымъ вліяніемъ браминской Индіи. Не потому-ли теперь (да въ смутномъ видѣ и гораздо раньше) у насъ постепенно крѣпнетъ стремленіе тѣснѣе соприкоснуться съ ней, больше узнать о ней, основательнѣе убѣдиться въ какомъ-то коренномъ сродствѣ (усилившемся благодаря хищному степному Турану) нашего пестраго по составу населенія съ еще значительно сложнѣйшими племенными элементами той Азіи, гдѣ таинственно пошелъ въ толпу посыпанный пепломъ нищій Шива и гдѣ выросъ историческій Будда?

Путешественники по Индіи, знавшіе нашъ Петербургъ, пытались сравнивать его по внѣшности съ Калькуттою. Даже судьба обѣихъ столицъ отчасти сходна. Основанныя приблизительно въ одно время и въ разгаръ борьбы великихъ народовъ за преобладаніе въ мірѣ, онѣ паралельно возникли на болотной міазмической почвѣ, около устья двухъ исторически важныхъ рѣкъ, въ одинаковые періоды развивались, являясь очагами бодрой мысли и стремленія впередъ въ національномъ смыслѣ слова, наравнѣ съ однимъ только Пекиномъ дѣлятъ Азію на характерные станы, гдѣ Востоку приходится мало-помалу высказываться подъ непосредственно-сильнымъ вліяніемъ Запада и вставать на защиту своихъ исконныхъ правъ. Вмѣщая тысячи представителей образованной въ англійскомъ духѣ брамино-магометанской страны, Калькутта столь же типично олицетворяетъ въ извѣстномъ отношеніи весь еще дремлющій (до XX вѣка) полуостровъ, какъ «градъ царя Петра», наполненный учащимися у Европы, все сознательнѣе и разумнѣе опредѣляетъ собою славяно-инородческій восточный міръ, выступающій рѣзкой, но еще весьма хаотической противоположностью государствамъ западнаго типа (съ иной организаціею, съ иной культурою). Насколько они отличаются ясно выразившимся прошедшимъ, настолько Русь и органически съ

нею связанный Востокъ — область будущаго. Споръ Азіи и Европы за настоящее незримо разыгрывается въ двухъ важнѣйшихъ административныхъ центрахъ міра, гдѣ вершится судьба четырехсотъ милліоновъ душъ (столица Китая, потерявшаго счетъ населенію, еще мало участвуетъ *) при рѣшеніи міровыхъ вопросовъ)—я разумѣю Петербургъ и Калькутту. Мы не меньше ея, на берегахъ Невы, облагодѣтельствованы свѣтомъ знанія; но также, какъ и эта «порфироносная» представительница индуизма и даже отчасти индійскаго ислама, склонны чувствовать свою духовную политическую обособленность отъ отягощенныхъ слишкомъ требовательною цивилизаціею германо-романскихъ земель. Для насъ, для нетронутаго въ его нѣдрахъ Русскаго Востока, для Азіи основу жизни составляетъ вѣра: вѣра въ Непостижимое, преклоненіе передъ единою богоустановленною властью, жажда нравственнаго подвига и обновленія. Когда, среди смуты вѣка, со столь простодушнымъ міросозерцаніемъ милліарда людей соприкасается матеріалистически настроенный человѣкъ Запада, разладъ между нимъ и нами неизбѣженъ, неумолимъ, такъ-сказать намѣченъ самою природою явленій...

Если принять во вниманіе количество молодежи, ежегодно выдерживающей экзамены въ индійскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ и университетахъ (англичане очень заботятся о подъемѣ и вообще о самомъ широкомъ распространеніи образованія въ своихъ колоніяхъ), то понятнымъ станетъ, что правительству волей-неволей, рано или поздно, придется считаться съ жизненнымъ фактомъ столь оригинальнаго характера, какъ искусственное пробужденіе къ сознанію цѣлыхъ общинъ и раздробленныхъ племенъ,—которыя еще въ прошломъ поколѣніи были безсильны и нѣмы.

II.

Исторія видимо создаетъ на Востокѣ новыя, сложныя задачи для западно-европейскихъ государствъ, которыя не стоятъ по духу на почвѣ Азіи (какъ, напр., мы стояли и до сихъ

---

*) Это мною написано еще въ январѣ 1891 г., когда объ эволюціи Китая не было рѣчи.

поръ, сами того не зная, крѣпко стоимъ), а отчасти являются лишь случайными болѣзненными наростами на ея гигантскомъ тѣлѣ.

Узы, соединяющія нашу часть Европы съ Ирано-Тураномъ (а черезъ него и съ родственными имъ во многихъ чертахъ Индіей, Небесной Имперіей), до того такъ-сказать предвѣчны и прочны, что мы сами пока (какъ народъ и государство) недостаточно понимаемъ ихъ значенія и своихъ проистекающихъ отъ этого обязанностей по отношенію къ вопросамъ внутренней и внѣшней политики на полуневѣдомыхъ окраинахъ.

Всматриваясь вотъ уже нѣсколько лѣтъ въ ихъ духовную жизнь и строй сосѣднихъ странъ, я невольно и каждодневно почерпаю богатый, разносторонній матеріалъ для созданія себѣ ясной идеи о томъ, что понимать подъ словами «Азіатская Россія» и въ виду крайней скудости напечатаннаго у насъ о ней (несмотря на крѣпнущую необходимость приходить постепенно къ расширенному самосознанію) пользуюсь случаемъ удѣлять иногда въ печати мѣсто *лично моимъ* замѣткамъ, выводамъ, взглядамъ. Въ нихъ многое безспорно можетъ быть ошибочно, но пора же русскимъ людямъ хоть и не безъ грѣха, да выражать какія-нибудь опредѣленныя мысли по поводу своего наслѣдія отъ весьма намъ бывшихъ полезными Чингисовъ и Тамерлановъ...

Славянская по языку и религіи, но въ смыслѣ крови необыкновенно пестрая и смѣшанная съ инородческими элементами Русь, подъ наплывомъ западнаго общечеловѣческаго просвѣщенія, естественно просыпается и вскорѣ еще сознательнѣе проснется въ качествѣ обновленнаго «восточнаго» міра, съ которымъ не только у ближайшихъ азіатовъ, а и у индуса, и у китайца въ сущности есть и будетъ неизмѣримо больше общихъ интересовъ и симпатій, чѣмъ съ колонизаторами инаго типа, выработаннаго европейскою исторіею за послѣдніе четыре вѣка.

Какъ ни странно это можетъ показаться, а рядомъ событій доказано, что—по мѣрѣ соприкосновенія Запада съ Азіей—бездна между нимъ и между нею съ каждымъ столѣтіемъ разверзается. Первоначальные случайные пришельцы еще чувствовали себя отчасти какъ-бы дома (по развитію и жизненнымъ потребностямъ).

Разные средневѣковые миссіонеры, купцы, мало цивилизованные дипломаты и т. п. не сознавали въ то время, насколько Европа чужда настоящему Востоку. Лишь въ прошломъ и въ XIX в. у всѣхъ на этотъ счетъ понемногу открылись глаза. Одна Россія не чувствуетъ, да въ сущности по природѣ своей и не можетъ чувствовать усиливающагося въ этомъ отношеніи разлада между народами мнимо-молодыми и странами мнимо-одряхлѣвшими по культурѣ: древняя туманно очерченная Скиѳія, родина непобѣдимыхъ завоевателей и міроправителей, арена передвиженія и взаимодѣйствія разнообразнѣйшихъ племенъ, она неизмѣнно сохраняетъ политическое равновѣсіе среди враждебно настроенныхъ и противуположныхъ другъ другу міровъ восточнаго и западнаго типа...

Исторія нашихъ отношеній къ Азіи и къ инородцамъ, населявшимъ когда-то добрыхъ двѣ трети Европейской Руси, еще не написана и намъ самимъ извѣстна (въ осмысленно-правдивомъ освѣщеніи) гораздо менѣе прошлаго иностранныхъ государствъ. Когда невѣдѣніе по этой части съ годами разсѣется, мы естественно придемъ къ сознательно-непреклонному убѣжденію, что Тотъ (на чьемъ челѣ магическими лучами сіяютъ слитые воедино вѣнцы Великихъ Князей Югорскаго, Пермскаго и Болгарскаго на Волгѣ, Царей Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго,—чьи предки еще въ Бѣлокаменной издавна величались «всея сѣверныя страны повелителями и иныхъ многихъ великихъ государствъ государями и облаадателями») является единственнымъ настоящимъ вершителемъ судебъ Востока. Крылья Русскаго Орла слишкомъ широко прикрыли его, чтобы оставлять въ томъ малѣйшее сомнѣніе. Въ органической связи съ этими благодатными краями—залогъ нашего будущаго.

Какъ это на первый взглядъ ни странно, но положительно можно провести весьма замѣчательную параллель между тѣмъ, какъ почти одновременно двигались на Востокъ и мужественные португальцы, и наши казаки. Маленькое королевство, имѣющее столицею Лиссабонъ, раньше другихъ европейскихъ государствъ вошло въ необыкновенно тѣсныя сношенія съ отдаленными невѣдомыми странами. Воспитанное (какъ и мы, при татарскомъ игѣ) подъ владычествомъ мавровъ и борьбою за свои національно-христіанскіе идеалы, оно не только осилило, изгнало исламъ, но и ринулось, за нимъ вслѣдъ, на

африканскія побережья. Даровитый принцъ Генрихъ «Мореплаватель», въ жилахъ котораго съ материнской стороны текла англійская царская кровь, далъ толчекъ изученію и развитію морскаго дѣла. Отважные сыны Португаліи постепенно стали входить въ соприкосновеніе съ нѣкоторыми частями «Чернаго материка», омываемыми Атлантическимъ океаномъ, съ успѣхомъ обогнули, нежданно-негаданно, страшный «Мысъ Бурь», переименованный въ виду столь радостнаго событія въ «Мысъ Доброй Надежды», и достигли Индіи, почти отождествлявшейся въ тогдашнихъ представленіяхъ съ юго-восточными окраинами Китая. Вотъ чего собственно и добивались современники Колумба и Васко-да-Гамы. Правда, уже немного ранѣе того, одинъ португалецъ, посланный своимъ королемъ черезъ Красное море и сухими путями, пробрался на Малабарскій берегъ; но, вообще говоря, возможность проплыть сюда прямо или оспаривалась, или представлялась въ ложномъ освѣщеніи. Европейцы направлялись туда, въ заповѣдныя страны восходящаго солнца и несмѣтныхъ сказочныхъ богатствъ, почти ощупью и вполнѣ безсознательно, словно наша средневѣковая новгородская вольница и, позже, бѣгущіе царскаго гнѣва казаки,—съ тою только разницей, что мы боролись со стужей, заповѣдными лѣсами и неоглядными пустырями сибирскаго приволья, а закаленные вѣковою враждою съ мусульманами, предпріимчивые обитатели Пиринейскаго полуострова, какъ истые южане шли (тоже на неслыханные подвиги) въ безпредѣльное море и въ самыя знойныя, населеннѣйшія страны земнаго шара. Случайно, исключительно благодаря морскимъ походамъ къ Индіи, при этомъ открыты были Центральная Америка и Бразилія...

Въ поискахъ за такою же обѣтованною землею, гдѣ рѣки текутъ млекомъ и медомъ, передовые казачьи отряды остановились, наконецъ, у непривѣтливыхъ волнъ Тихаго океана,—остановились, сроднились съ ними и (въ качествѣ неустрашимыхъ промышленниковъ) черезъ нихъ перекинулись до Калифорніи. Эти полулегендарныя экспедиціи съ далекаго Запада отчасти совпадаютъ по времени: несоотвѣтствіе въ десяткахъ лѣтъ, на такихъ разстояніяхъ и при величіи совершавшихся тогда событій, ровно ничего не значитъ. Отношенія къ инородцамъ, на которыхъ впервые воздѣйствовали португальцы, въ нѣкоторыхъ чертахъ весьма сходны съ тѣми, которыя завязывались

между нами и приводившимися, съ уплатою ясака, подъ державную руку Московскихъ Государей. Такъ напр. иные знатные туземцы съ береговъ Сенегала, а то и благоухающей Индіи, являлись къ Лиссабонскому двору на поклонъ, а подчасъ и для принятія крещенія, въ надеждѣ на полученіе какихъ-нибудь милостей: точь въ точь остяцкіе главари, на первыхъ порахъ нерѣдко бившіе челомъ Бѣлому Царю, въ стѣнахъ Москвы! Когда Васко-да-Гамѣ даровывался королемъ титулъ «генералъ-адмирала восточныхъ странъ», піонеры русской цивилизаціи въ Пріуральѣ, дальновидные Строгановы, получали въ свою очередь совершенно исключительныя права за услуги отечеству и окраинѣ. Суровость, которую ставятъ въ укоръ нашей вольницѣ, надвигавшейся на Востокъ, положительно кажется преувеличенной, если сравнивать ея образъ дѣйствій,— зачастую крайне гуманный и обыкновенно соотвѣтствовавшій мѣстнымъ условіямъ,—съ тѣми проявленіями крайняго жестокосердія, которымъ запятнали себя хотя-бы первые европейскіе колонизаторы Индіи. Напримѣръ, еще въ самомъ началѣ изумительной эпопеи, воспѣтой безсмертнымъ лузитанскимъ поэтомъ Камоэнсомъ, португальцамъ какъ-то слегка не посчастливилось въ борьбѣ съ «невѣрными»,—и Васко-да-Гама, ослѣпляемый жаждой мести, не постыдился, настигнувъ въ открытомъ морѣ одинъ ни въ чемъ неповинный корабль, возвращавшійся со множествомъ богомольцевъ изъ Мекки въ Индостанъ, предать это судно огню,—причемъ женщины въ ужасѣ простирали дѣтей къ безпощадному адмиралу, тщетно моля о пощадѣ. Воспламененное, оно представляло изъ себя настоящій адъ съ обреченными на вѣрную погибель жертвами, гдѣ въ роли демоновъ-мучителей являлись моряки-крестоносцы съ Запада.

Ненавидя мусульманскій элементъ на индійской окраинѣ, какъ опасный въ политическомъ отношеніи и съ точки зрѣнія конкурренціи, португальцы не стѣснялись истреблять послѣдователей Магомета всякими правдами и неправдами. Тотъ-же великій Васко-да-Гама, приступая къ бомбардировкѣ приморскихъ городовъ, предварительно вѣшалъ на мачтахъ плѣнниковъ-мусульманъ, затѣмъ, снявши трупы, посылалъ ихъ отрубленныя руки и ноги родственникамъ, наконецъ бросалъ въ море и гналъ къ берегу, для устрашенія врага, обезображенныя туловища пострадавшихъ. Сомнѣваюсь, чтобы даже наши раз-

бойники въ нѣдрахъ Сибири XVI вѣка доходили до такого утонченнаго звѣрства, до подобной слѣпой ненависти къ кореннымъ насельникамъ края.

Постепенно португальцы стали сливаться съ индусами, соединяться съ побѣжденными брачными узами, передавать имъ католическую вѣру и въ свою очередь проникаться мѣстнымъ строго языческимъ міросозерцаніемъ. Въ результатѣ получилось нѣчто, лишенное творчества въ политическомъ и культурномъ отношеніи: уголокъ Пиринейскаго полуострова, окруженный экзотическими жизненными условіями,—частица клерикальнаго Рима на почвѣ Индіи и ея консервативнѣйшихъ основъ, — древко нѣкогда священной хоругви, затерянной въ двигающейся густой массѣ коммерческихъ флаговъ и новыхъ боевыхъ знаменъ съ совершенно отличными земными лозунгами...

III.

Послѣ того какъ «британскій левъ» улегся на мадрасскомъ побережьѣ, торжествуя главнымъ образомъ успѣхъ надъ соперниками изъ Франціи, а кромѣ того и надъ туземными властителями, англичане сначала не отдѣляли себя настоящею стѣною отъ инородцевъ, нерѣдко умѣвшихъ сослужить «бѣлымъ» колонизаторамъ неоцѣнимую и вѣрную службу на полѣ брани. Сипаи до того времени видѣли въ офицерахъ-европейцахъ: товарищей по вкусамъ и по ремеслу, «добрыхъ малыхъ» безъ всякой чванливости и съ потребностями жить несложною жизнью всѣхъ однополчанъ, — среди которыхъ туземцы въ офицерскихъ чинахъ пользовались одинаковыми правами съ сынами господствующей рассы, а также извѣстнаго рода уваженіемъ, заставлявшимъ, напримѣръ, англичанина сажать такого заслуженнаго сипая въ своемъ присутствіи и т. д. Отдаленные (сравнительно на долгіе сроки) отъ туманной родины, сродняясь съ обычаями края, куда ихъ закинула судьба, обзаводясь гаремомъ и черезъ него хорошо знакомясь съ мѣстнымъ бытомъ—первые военные, основывавшіе индо-британскую имперію, равно какъ и представители остъ-индской компаніи, ближе подходили къ Востоку, чѣмъ подходятъ современные дѣятели: тѣхъ онъ втягивалъ и убаюкивалъ, сближая съ населеніемъ страны,—этихъ же скорѣе отталкиваетъ отъ себя, въ силу множества радикально измѣнившихся условій.

Возможность частыхъ отлучекъ домой, воцареніе соотечественницы въ обществѣ и у домашняго очага, тяготѣніе ко всему духовно-родному (при быстротѣ, съ какою изъ Англіи теперь доходятъ разнообразнѣйшія вѣсти и сенсаціонные слухи), — цѣлый рядъ подобныхъ существенно важныхъ обстоятельствъ вызвалъ отчужденіе колонизаторовъ отъ «колонизуемыхъ» (послѣднее выраженіе, быть можетъ, странно звучитъ, однако съ точностью характеризуетъ европейское высокомѣрное воззрѣніе на опекаемыхъ азіатовъ). Въ данную минуту неизмѣримая пропасть отдѣляетъ послѣднихъ отъ гордыхъ хозяевъ края, естественно не питающихъ особенной симпатіи къ «дикимъ понятіямъ, жалкимъ суевѣріямъ, антипатичному соціальному строю инородцевъ»,—на которыхъ, вдобавокъ, будто бы ни въ чемъ и полагаться нельзя. А вѣдь какихъ-нибудь десятки лѣтъ назадъ было иначе! Солдаты туземной крови считались à toute épreuve, бились (завоевывая для Англіи обширнѣйшую область за областью) съ бо̀льшимъ мужествомъ, чѣмъ присылаемыя изъ-за моря «бѣлыя» войска, въ походахъ самоотверженно помогали этимъ ослабѣвавшимъ отъ климата сотоварищамъ по оружію, братски дѣлились съ ними припасами въ дни нужды, безропотно дожидались запаздывавшихъ платежей жалованья и т. д. Командиръ-иновѣрецъ казался сипаямъ «полубогомъ»: ему повиновались съ беззавѣтнымъ порывомъ, на могилѣ такого офицера подчиненными возжигались лампочки, даже его портретамъ они отдавали честь; не было няньки при дѣтяхъ, не существова̀ло конвоя для дамъ-путешественницъ надежнѣе туземца-солдата.

Оффиціальные гигантскіе печатные труды объ Индіи (вродѣ «Statistical Survey» «Imperial Gazetteer of India») составляютъ цѣлую библіотеку изъ сотенъ томовъ. Если бы у насъ развитымъ обществомъ съ одинаковымъ рвеніемъ и самознаніемъ изучалась не только Азіатская, но даже Европейская подмосковная Россія, то результатамъ давно уже приходилось бы порадоваться. Между тѣмъ въ смыслѣ пользы для нашихъ восточныхъ окраинъ послѣдніе положительно были бы неоцѣнимы. Сибирь, Кавказъ, Туркестанъ сіяли бы ослѣпительнѣйшими алмазами въ Императорской коронѣ.

Несмотря на создаваемую литературу, англичанамъ остается пока и должно оставаться замкнутымъ самое важное: душа

народовъ, которыми они правятъ. Глубоко и убѣжденно преклоняясь передъ искусствомъ Британіи владычествовать надъ океанами и чужими царствами, всякій патріотично, но безпристрастно мыслящій русскій не можетъ и не смѣетъ закрывать глаза на коренную противоположность ея правильнаго и нашего далеко неупорядоченнаго хозяйничанья въ предѣлахъ того же громаднѣйшаго и населеннѣйшаго материка.

Для однихъ это—пріятная, однако весьма ненадежная оккупація земель, облюбованныхъ солнцемъ и съ невѣроятно дешевымъ человѣческимъ «трудомъ на другихъ изъ-за куска хлѣба». Для антипода Англіи, для Азіи Бѣлаго Царя, это есть домостройный принципъ, недостаточно еще перевоплощенный въ туземную жизнь. Оттого здѣсь, за Гималаями, все сухо какъ схема и рѣзко обрисовано, какъ привязанный къ пушечному жерлу строптивый сипай: тамъ, отъ Эрзерума до Южно-Уссурійскаго края,—отсутствіе внутренняго разлада между такъ-называемыми побѣдителями и побѣжденными, развивающаяся и бьющая ключемъ народная жизнь, которой нѣтъ цѣли скрываться отъ нескромнаго взора политическихъ соперниковъ,—которой нечего опасаться за будущее, потому что она собою олицетворяетъ будущее—которая, по правдѣ сказать, ничего не завоевываетъ, такъ какъ весь этотъ втягивающійся въ насъ инородческій людъ—намъ братъ по крови, по традиціямъ, по взглядамъ. Мы только тѣснѣе скрѣпляемся и роднимся съ тѣмъ, что всегда было наше....

Слѣдующій случай, передаваемый по одному английскому источнику, всего нагляднѣе говоритъ о сущности отношеній, господствующихъ между англо-саксонской рассой и безотвѣтнымъ, беззащитнымъ кореннымъ населеніемъ Индіи. Въ то время какъ у насъ на базарахъ Мерва и Ташкента молодой солдатикъ, смѣшавшись съ толпой азіатовъ, запросто обращается съ ними и отнюдь не чувствуетъ себя среди какихъ-то глубоко ему ненавистныхъ дикарей, типичные представители британскаго оружія и британскаго престижа, въ лицѣ нижнихъ чиновъ, постоянно видятъ въ инородцахъ подобіе тварей, а не людей, такъ что даже насиліе противъ нихъ не можетъ и не должно будто-бы быть поставлено никому въ особую вину.

Близь Кулькутты есть мѣстечко, называемое Думъ-Думъ, гдѣ въ 1890 г. расположены были бараки Лейнстерскаго полка.

Однажды четыре солдата ушли вечеромъ, захвативъ съ собою ружья изъ казармъ, съ цѣлью гдѣ-нибудь напиться. Они стучались и врывались въ нѣсколько жилищъ, требуя спиртныхъ напитковъ и колотя обывателей, наконецъ раздобылись чужимъ пальмовымъ виномъ и до полуночи пьянствовали. Вслѣдъ затѣмъ эти молодцы пришли къ дому нѣкоего Селима-Шейха, разбудили хозяина, стащили его съ кровати и велѣли вести себя къ ближайшему кабаку. Инородецъ отговаривался незнаніемъ, и за это былъ брошенъ въ сосѣдній прудъ. Одинъ изъ солдатъ вздумалъ тогда стрѣлять по барахтавшемуся въ водѣ Селиму. Поднялась тревога. Сосѣди стали сбѣгаться на помощь умирающему, а убійца съ товарищами спокойно ушелъ въ казармы, и только впослѣдствіе его удалось обнаружить, когда въ награду за раскрытіе преступленія власти пообѣщали дать 300—400 рупій. Два товарища стрѣлявшаго соблазнились этой суммой и выдали виновнаго, котораго, вдобавокъ, призналъ и уличилъ туземецъ, бывшій свидѣтелемъ невѣроятнаго поступка. Къ чести англійскаго судьи, разбиравшаго дѣло, надо сказать, что онъ приговорилъ солдата къ смерти; но приговоръ вызвалъ столько негодованія въ средѣ мѣстныхъ англичанъ и такое возбужденіе среди однополчанъ убійцы, что въ концѣ концевъ его совершенно оправдали и выпустили безнаказанно на свободу. Характерно въ этомъ инцидентѣ слѣдующее: когда солдатъ стрѣлялъ, онъ, шутя, тѣмъ мотивировалъ поступокъ товарищамъ, что въ этомъ, дескать, нѣтъ бѣды: «много еще останется такихъ черномазыхъ»; а Лейнстерскій полкъ заявилъ, что если приведутъ приговоръ въ исполненіе, то надо открыто возмутиться и сгоряча приступить къ истребленію всякаго инородца (nigger), который бы попался на дорогѣ... Любопытные нравы! любопытный строй, гдѣ подобныя явленія возможны!

Фактъ приводится не въ укоръ англичанамъ, но лишь для поясненія, какъ въ Индіи страшна бездна между правящими и пассивными элементами. Развѣ на русскихъ наиболѣе запущенныхъ и глухихъ окраинахъ подобное просвѣщенное звѣрство мыслимо? Вотъ когда и по поводу чего умѣстны были бы митинги для выраженія негодованія,—а то, вѣдь, въ Англіи ихъ еще недавно было принято устраивать лишь въ видѣ антирусскихъ демонстрацій! Тутъ интересъ положенія заключается не въ томъ

довольно естественномъ фактѣ, что пьяный и грубый простолюдинъ съ береговъ Альбіона безпричинно убилъ какого-то Селима. Любопытна среда, если не прямо потакающая насилію, то во всякомъ случаѣ воспитывающая необразованныхъ соотечественниковъ въ убѣжденіи, что «бѣлая» кость и «черная»—небо и земля. Наряду съ этимъ, туземцы по-своему тѣшатся надъ враждебными имъ «красными» мундирами. Базарные фокусники (по отзыву англичанъ) непрочь разумѣть подъ учеными обезьянами, разъѣзжающими на дрессированныхъ козахъ, нижнихъ чиновъ чужой арміи. Въ сороковыхъ годахъ юный правитель дружественнаго Британіи Нэпаля забавлялся устройствомъ фиктивныхъ битвъ между горкинцами и разными жалкими паріями, одѣтыми по образцу англійскихъ войскъ и съ набѣленными лицами. Очевидно, кто въ такихъ стычкахъ терпѣлъ пораженіе и выносилъ побои: игра князя была, однако, выраженіемъ народныхъ чувствъ...

Тѣмъ желательнѣе, для пользы индійской имперіи, чтобы главное вниманіе ея правящихъ сферъ устремилось на уврачеваніе или по меньшей мѣрѣ смягченіе недуговъ нравственнаго характера, которыми поражены общественные слои. Эпизоды, вродѣ думъ-думскаго, неизмѣримо опаснѣе и печальнѣе всякихъ пограничныхъ инцидентовъ на рубежахъ сѣвернаго и сѣверо-восточнаго Афганистана; наивной же европейской печати, по прежнему, кажется знаменательнѣе и важнѣе, когда телеграфъ приноситъ вѣсть о томъ, что мы гдѣ-то въ Средней Азіи по необходимости кому-нибудь дали отпоръ, что русскіе начинаютъ мало-по-малу сознательнѣе относиться къ «своему» Востоку, что намъ при всемъ нашемъ добродушіи пора, наконецъ, почаще тамъ произносить нешуточное: «Quos ego».

Согласно компетентному французскому источнику, годовые расходы англо-индійскаго правительства на содержаніе арміи равняются болѣе чѣмъ 200,000,000 р., т. е. иными словами каждый житель страны платитъ, помимо обыкновенныхъ налоговъ, весьма обременительную дань для упроченія власти надъ собой чуждой рассы и западной разрушительно дѣйствующей цивилизаціи. За послѣднія тридцать лѣтъ на однѣ фортификаціонныя работы издержано до полумилліарда. Не слишкомъ-ли много, когда на Англію въ предѣлахъ Азіи никто и не помы-

шляетъ нападать, а скорѣе сама она постоянно вызывала и склоняется къ аггрессивной политикѣ?

Не правда-ли, странно говорить о бѣдности или, что еще хуже, объ обѣднѣніи Индіи? Вѣдь она намъ-европейцамъ съ дѣтства представляется сказочнымъ источникомъ неистощимыхъ богатствъ, неизсякаемаго плодородія—однимъ словомъ, какою-то Голкондою съ алмазами въ голубиное яйцо. Но на дѣлѣ, особенно въ данное время, этого нѣтъ. Фантастически огромныя сокровища махараджей и Великихъ Моголовъ, неописуемый блескъ туземныхъ дворовъ, все это—область преданія. Чаще чѣмъ когда-либо встрѣчаешься и въ мѣстныхъ отзывахъ, и въ литературѣ предмета съ роковымъ призракомъ «бѣднѣющая Индія»: отчего? отвѣтовъ много, даже слишкомъ много—и всѣ они съ такою откровенностью разоблачаютъ непригляднуюкартину управленія края чужеземцами,—всѣ они такъ живо рисуютъ ненормальное положеніе вещей между южно-малабарскимъ побережьемъ и устьями Ганга....

Административное устройство и мѣропріятія для обороны отъ того, кто представляется врагомъ Англіи (а ужъ никакъ не туземнаго населенія), такъ дорого обходятся, что вся прибыль внѣшней торговли испаряется за море, а параллельно съ тѣмъ изсякаютъ рессурсы края. Онъ отнюдь не богатѣетъ отъ тѣснаго общенія со своею могущественною опекуншею и покровительницею,—напротивъ, постепенно теряетъ и ту жизненную энергію, которая ему прежде была присуща. Исчислено, будто,—что ни годъ,—то 300—400 милліоновъ рублей уплываетъ изъ Индіи. Спросятъ: какъ это возможно? Очень просто. Цѣлая армія чиновниковъ,—не считая войска въ красныхъ мундирахъ,—щедро оплачиваетъ инородческими деньгами свой благородно направляемый интеллектуальный трудъ и притомъ кормится ими не только на мѣстѣ, но и вслѣдъ затѣмъ, уже состоя на отдыхѣ и на покоѣ,—дослуживается до громадныхъ пенсій и живетъ, строго говоря, на счетъ голодающаго кореннаго населенія. Суммы, взимаемыя на пользу «бѣлыхъ» и добываемыя цѣною столь тяжелыхъ чужихъ лишеній, не остаются здѣсь и не тратятся на благосостояніе самой страны, а идутъ (въ значительной степени исключительно) на обогащеніе господствующаго элемента. Умные туземцы справедливо недоумѣваютъ: «чего же въ концѣ концевъ англичане отъ насъ хотятъ? не-

ужели же того, чтобы наша родина раззорилась и погибла?» и, конечно, со свойственною азіатамъ льстивостью дополняютъ: «нѣтъ, намъ желаютъ добра; насъ эксплуатируютъ лишь по недоразумѣнію»...

IV.

Существуютъ своеобразныя причины неустойчивости западныхъ принциповъ на почвѣ консервативно-древняго Востока.

При всемъ великолѣпіи, которымъ обставляютъ себя представители высшей англійской власти въ краѣ, имъ всетаки далеко до того, чѣмъ являлся въ глазахъ темнаго туземнаго населенія, цѣнящаго по временамъ особый внѣшній блескъ, дворъ Моголовъ, дворъ настоящихъ царей полуострова. Тогда принято было тратить ежегодно много десятковъ милліоновъ рублей на покрытіе расходовъ по содержанію однихъ только гаремовъ и штатовъ. Стоило напр. такому властелину, какъ императоръ Акбаръ, отправиться на охоту—и за нимъ поднимался въ путь цѣлый городокъ палатокъ и шатровъ,—причемъ 100 слоновъ, 500 верблюдовъ и 4000 телѣгъ требовалось только для подъема такого гигантскаго лагеря. Даже при отсутствіи парадной обстановки, 500 человѣкъ конвоя и 2000 слугъ неизмѣнно слѣдовали за Моголомъ, не включая въ это число необходимыхъ въ дорогѣ ремесленниковъ. Когда другой императоръ той же династіи (Аурангзебъ) въ 1665 г. отправился въ Кашмиръ, то взялъ съ собою на прогулку 35,000 всадниковъ, 10,000 человѣкъ пѣхоты и 70 тяжелыхъ пушекъ, для передвиженія каждой изъ которыхъ нужно было впрягать до 40 воловъ. Кромѣ того, взято было въ путь извѣстное количество легкихъ орудій, помѣщавшихся на богато изукрашенныхъ повозкахъ, запряженныхъ парами лошадей. Такія маленькія пушки всегда посылались впередъ и, въ моментъ прибытія царя къ любому мѣсту стоянки, салютовали. Послѣдняя представляла собою необозримое множество пестроцвѣтныхъ временныхъ сооруженій: покои императора, его пріемные шатры, ограды гаремовъ, купаленъ и т. п. образовывали рядъ правильныхъ улицъ и переулковъ среди еще болѣе многочисленныхъ и разнохарактерныхъ ставокъ каждаго министра или любаго знатнаго царедворца. Конюшни, провіантскіе магазины, военные

склады, кухни,—все это ночью ширилось до безконечности, а на зарѣ снова шумно поднималось и двигалось въ дальнѣйшій путь, гдѣ къ вечеру ожидалъ тотъ же ночлегъ, т. е. организованный въ грандіозныхъ размѣрахъ станъ.

Если принять въ соображеніе, что убогое и забитое населеніе страны по невѣжеству и до сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ не знаетъ, кто собственно правитъ ими: боги-ли или эпическіе герои—то ясно, какое значеніе необходимо придавать помпѣ правительственныхъ передвиженій по краю. Вице-королями назначаются лорды-богачи; имъ ежегодно дается въ видѣ жалованья цѣлое крупное состояніе—и тѣмъ не менѣе даже этихъ суммъ не хватаетъ на поддержку настоящаго царскаго престижа, который нельзя же искусственно создать для народовъ, привыкшихъ видѣть во властелинѣ Помазанника Божія, а не вѣчно чередующагося съ другими сановника, отдающаго, въ концѣ концевъ, отчетъ въ своихъ замыслахъ, поступкахъ и распоряженіяхъ.... то парламенту, то тенденціозной печати.

Природному повелителю на Востокѣ въ сущности не нужны ни внѣшній блескъ, ни эфемерные знаки почета: въ обаяніи личности, въ степени окружающаго ее миѳологическаго простонароднаго творчества таится сила каждаго престола... Ну, а гдѣ же европейцамъ fin du siècle набраться такихъ аттрибутовъ древности и власти?

Край Будды и Акбара положительно производилъ и производитъ на каждаго пришельца съ Запада неотразимо-властное впечатлѣніе. Тѣмъ сильнѣе этотъ важнѣйшій полуостровъ Азіи долженъ воздѣйствовать на воображеніе и на всю сферу помысловъ и чувствъ современнаго русскаго человѣка, сознательно всматривающагося въ ходъ событій на родныхъ окраинахъ, проходящихъ теперь черезъ такой же точно фазисъ развитія, какой переживали напр. въ XVII в. крѣпнувшіе подъ скипетромъ Москвы порубежные сторожевые города на югѣ и за Ураломъ, олицетворявшіе собой продолженіе славныхъ дней Іоанна IV, т. е. наступающую въ избыткѣ молодыхъ силъ и духовно подчинившую себѣ многіе инородческіе элементы единодержавную Русь. Въ ту пору Посольскій Приказъ не слѣдилъ за восточной политикой по даннымъ и по масштабу «нѣмецкихъ людей англійскихъ и ѳрянцовскихъ», а понималъ и защищалъ наши государственные интересы на тюркско-монголь-

скихъ границахъ, какъ понимаетъ и защищаетъ тамъ эти интересы поднесь любой казакъ, простой солдатъ, мужичекъ-старожилъ или переселенецъ.

Кто у насъ теперь изъ тысячи образованныхъ знаетъ и такъ-сказать видитъ цѣнныя стороны тогдашняго патріотизма и безхитростнаго взгляда на вещи?

Исторія московскихъ сношеній съ дальнимъ юго-востокомъ еще сравнительно мало обслѣдована; но за то что̀ за прелестью слога вѣетъ отъ наказовъ посламъ, отъ «статейныхъ списковъ» той дорогой намъ эпохи! Беру наугадъ хотя-бы 1675 годъ, когда отъ Великаго Государя изъ Бѣлокаменной послана была «къ индѣйскому шаху грамота русскимъ письмомъ за государственною большею печатью, да въ запасъ съ той Великаго Государя грамоты списки по-латыне да по-татарски, оба списка за тою же большею печатью а посланы тѣ списки въ запасъ, буде въ Индіи руского письма перевесть нѣкому и тѣ грамоты для подлиннаго выразумѣнья отдать». Снарядили съ ними астраханца «Маметь Исупа Касимова». Наши подданные татары могли и должны были, само собой разумѣется, съ точки зрѣнія правительства, служить орудіемъ вліянія на Востокъ.

Задолго до того, что первый англичанинъ Ѳома Коріатъ, полоумный скиталецъ, пробрался въ Индостанъ съ цѣлью покататься на слонѣ (!!)—тверской гость Аѳанасій Никитинъ ходилъ туда же «за три моря» въ 1466—1472 гг. Ему подобныхъ навѣрно можно-бы насчитать немало, но мы всегда считали Азію чѣмъ-то хотя и басурманскимъ, а тѣмъ не менѣе роднымъ и своимъ, недостаточно достойнымъ упоминанія и описанія.

Для европейца въ означенный періодъ посѣтить смежный населеннѣйшій материкъ значило открыть себѣ и соотечественникамъ новый міръ: для русскаго это представляло просто передвиженіе въ предѣлахъ непризнающей границъ досконально ему извѣстной Скиѳіи. Оттого-то и звучитъ нашему слуху привычно всякое повѣствованіе «о ссылкахъ» съ разными ханами и шахами «съ поминки и великимъ челобитьемъ о любви». Купцы «изъ Бухаръ и Шармахани» (Самарканда) тогда уже являлись къ намъ непринужденно и естественно, словно и теперь по Закаспійской желѣзной дорогѣ, — а вѣдь этотъ людъ свободно перекидывался съ Волги «за грань отъ Индѣй» — въ царство Тамерлановыхъ внуковъ!

Касимову предписывалось: «какъ приѣдетъ въ первой Индѣйской городъ, говорити того города владѣтелю, что посланъ онъ отъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича и наслѣдника и государя и обладателя, къ Великому Государю ихъ Шахъ-Эврепнъ-Зепову Величеству въ посланникахъ о ихъ государскихъ надобныхъ дѣлахъ, а съ нимъ посланы отъ Великаго Государя, всея Росіи самодержца къ Эврепнъ-Зепъ Шахову Величеству грамоты о дружбѣ и о любви и о иныхъ государскихъ добрыхъ дѣлѣхъ». Въ подарокъ послѣднему Москва слала соболей, зеркала подъ слюдою и т. п. «любительные легкіе поминки».

Кромѣ торговыхъ комбинацій и наказа «видѣти здоровье индѣйскаго величества», у монарха въ стѣнахъ Бѣлокаменной существовали еще и другія соображенія, обусловливаемыя христіанскимъ человѣколюбивымъ настроеніемъ. Поручить заботу о нихъ иноплеменникамъ-мусульманамъ даже въ то строго-православное время ничуть не мнилось безполезнымъ или предосудительнымъ. Бѣлый Царь повелѣвалъ,—и этого было достаточно!... «И есть ли въ Индѣйскомъ государствѣ есть русской породы полоняники, и объ нихъ потомужъ договариватся, чтобъ Государь ихъ Шахово Величество къ Великому Государю къ его Царскому Величеству оказалъ тѣмъ дружбу свою и любовь всѣхъ Руского полону людей изъ государства своего велѣлъ Царского Величества въ Російское государство отпустить безъ окупу, и впредь Руского народа людей къ своей вѣрѣ неволею принуждати заказалъ. А Великій Государь его Царское Величество подданныхъ Государя ихъ, которые обыщутся въ Россійскомъ государствѣ, а похотятъ ѣхать въ свое государство, и ихъ такожде безъ окупу въ Индѣйское государство отпустить повелитъ, и къ вѣрѣ имъ никакова принужденія чинить закажетъ».

Еще при Екатеринѣ II академикъ Палласъ, изучавшій этнографію Россіи, отмѣчаетъ въ Астрахани присутствіе многочисленныхъ индусовъ (мультанцевъ) съ формами культа Кришны. Въ свою очередь извѣстно, что при дворѣ Моголовъ цѣнились русскія полонянки. Сколько дѣтей въ Дэли и въ Агрѣ, можетъ быть, засыпали на рукахъ у нянекъ—подъ грустный напѣвъ, дышавшій тоскою о далекой Руси!

Охрана тамошнихъ гаремовъ состояла изъ вооруженныхъ калмычекъ и татарокъ, сестеръ по горькой долѣ и по родному Сѣверу нашимъ исторически забытымъ соотечественницамъ... Любимая жена фанатично настроеннаго Аурангзеба была православная грузинка.

Объ англійской Индіи на Западѣ долго господствовали и до сихъ поръ держатся несомнѣнно односторонніе и оптимистическіе взгляды путешественниковъ, являвшихся туда въ качествѣ беззаботныхъ туристовъ, которыхъ при малѣйшей рекомендаціи радушно встрѣчалъ хлѣбосолъ-колонизаторъ и которые eo ipso почти невольно проникались постепенно мыслями и чувствами гостепріимныхъ хозяевъ. На материкѣ Европы общественное сознаніе видимо не реализировало того простаго факта, что неестественное усиленіе одного морскаго государства — на счетъ остальныхъ болѣе континентальныхъ и на счетъ безотвѣтнаго Востока — во-первыхъ анормально, а во-вторыхъ эфемерно; ибо земля тяготѣетъ къ землѣ и опытомъ доказано, поскольку непроизводительна роль Карѳагена, когда на свѣтѣ есть римскіе легіонеры. Только такимъ непониманіемъ положенія вещей объясняется, почему напр. въ сороковыхъ годахъ принцъ Вольдемаръ Прусскій (братъ тогдашней королевы Маріи Баварской) отправился изъ Тріеста воевать подъ британскими знаменами со свободолюбивымъ царствомъ сикховъ. Уже ранѣе того, впрочемъ, прусскій капитанъ фонъ-Орлихъ участвовалъ въ несправедливомъ походѣ 1842 г. на Афганистанъ! Бѣдная Азія, когда же тебя христіанскіе народы Запада признаютъ равноправной и достойной вполнѣ человѣческаго отношенія?

Когда кропотливыми филологическими умствованіями пытаются установить братство англо-саксонской рассы съ арійскими элементами Индіи, это — сентиментальная фикція; если же заговорить объ узахъ, исторически и этнографически скрѣплявшихъ русскій народъ съ Ирано-Тураномъ (отъ Каспія до Ганга и Деккана), то вопросъ совершенно правильно и законно обоснованъ минувшей и настоящей жизнью земель, о которыхъ собственно идетъ рѣчь.

И въ мелочахъ сказывается общность внутренняго характера! Наши слова «шуба», «шугай» тождественны съ наименованіемъ сколько-нибудь соотвѣтствующей одежды въ сѣверо-

западной Индіи. И тамъ, и на Руси одинаково принято было у многихъ мужчинъ, по суевѣрнымъ побужденіямъ, носить серьгу и т. д. и т. д. А развѣ мало точекъ соприкосновенія въ иныхъ особенностяхъ быта индійскаго и русскаго простонародья? Кто у насъ, напр. слышалъ, что за Гималаями существуетъ праздничный лѣтній обычай у парней прыгать разъ въ годъ вокругъ костровъ и пѣть игривыя пѣсни? Пусть интересующіеся справятся въ книгѣ Самуэльсона «Bulgaria», сколько есть однороднаго въ обстановкѣ балканскаго славянина и индуса. Развѣ не странно, что общины у насъ и за Гималаями отличаются одинаковымъ устройствомъ? Приводить примѣры можно безъ конца. Доказательная сила лежитъ не въ ихъ количествѣ, а въ качествѣ каждаго изъ нихъ: кто же однако, кромѣ закоснѣлыхъ западниковъ, хоть на минуту затруднится у насъ считать не сознанный еще нами Востокъ такой же органической по духу принадлежностью Мономаховой державы, какою по самой природѣ вещей въ урочный часъ стали Заволжье и Сибирь — оттого что, выражаясь лѣтописнымъ языкомъ, наши послы и воеводы «имя царя своего держали честно и грозно, по старинѣ»?

Съ точки зрѣнія нашей допетровской старины Индія эпохи Моголовъ обладаетъ многими симпатичными чертами. Умершій въ 1605 году Акбаръ едва-ли не стоитъ на цѣлую голову выше многихъ приблизительно современныхъ ему монарховъ Запада. Гдѣ въ ту пору, кромѣ мусульмано-языческой Индіи, могли воплотиться такія дышущія вѣротерпимостью выраженія, какъ на одной надписи, сдѣланной другомъ императора Абу'ль Фазль въ какомъ-то кашмирскомъ храмѣ: «Боже! повсюду созерцаю Тебя, видя молящихся: на языкѣ каждаго народа слышится славословіе Тебѣ. Куда бы изъ числа зданій, воздвигнутыхъ для Тебя, я ни вошелъ—вездѣ ищу и стараюсь найти Истину.» Этимъ объясняется, почему,—когда посланные изъ Гоа отцы-монахи не безъ трепета вручили въ подарокъ тому же делійскому падишаху изображенія Спасителя и Непорочной Дѣвы, а также Библію,—Акбаръ приложился къ нимъ и поднялъ Св. Писаніе до чела, въ доказательство глубокаго благоговѣнія. Католикамъ было разрѣшено построить отдѣльную часовню. Моголъ посѣтилъ ее и въ землю поклонился изваянію Богочеловѣка.

Позже, при Шахъ-Джеханѣ, его первый министръ украсилъ свой лахорскій дворецъ ликами христіанскихъ святыхъ. Параллельно съ тѣмъ туземные художники приняли за обычай рисовать индійскихъ «султановъ надъ султанами» съ ореоломъ вокругъ головы,—невольно напоминая италіанскую школу.

Гигантскія средства, которыми располагалъ Моголъ, текли обратно въ народную массу: ни копѣйки не шло на нужды, чуждыя прямымъ интересамъ Индостана. Полюбивъ его любовью своего отчича и дѣдича Бабера, дэлійскіе Тимуриды-правители по силѣ разума были патріотами,—насколько тогда, при довольно патріархально-дикомъ строѣ, возможно было условно быть таковыми.

Страна несомнѣнно стала уже для самого основателя династіи второю родиною: оригинально, какъ онъ съ нею первоначально ознакомился. Въ одеждѣ скромнаго путника Баберъ обошелъ будто-бы свое будущее царство вдоль и поперекъ, вдохнулъ въ себя вѣянье туземной старины и природы, налюбовался всѣмъ досыта и вернулся въ Среднюю Азію за войскомъ...

V.

Грустная исторія первоначальнаго воздѣйствія колонизаторовъ съ Запада на ни въ чемъ неповинное населеніе Цейлона съ одной стороны крайне поучительна для мыслящихъ русскихъ людей, потверждая ранѣе высказанные мною взгляды на ненормальность отношеній Европы къ народамъ Востока; но съ другой стороны свидѣтельствуетъ и о томъ, до какой степени эти народы въ сущности способны были давать надлежащій отпоръ врагу, пока его губительное отчасти вторженіе въ ихъ сферу, въ связи съ зависимостью послѣдняго отъ совершенно посторонних Азіи политическихъ причинъ, не заставляло туземцевъ все покорнѣе и покорнѣе склоняться передъ наступленіемъ германо-романской рассы.

На первыхъ же порахъ эти взаимоотношенія ясно опредѣлились какъ неестественныя и коварныя.

Незнакомые съ употребленіемъ огнестрѣльнаго оружія, при появленіи португальцевъ, туземцы-буддисты вскорѣ превзошли своихъ учителей по умѣнью обращаться съ нимъ и въ искус-

ствѣ его изготовлять. Ружья съ Цейлона по всему Востоку стали извѣстны по своимъ прекраснымъ качествамъ и дорогой художественной насѣчкѣ; даже во Франціи не могли соперничать въ то время съ первоклассными оружейниками Цейлона. Энергичные патріоты организовали армію внутри страны и, спускаясь съ горъ, повели рядъ нападеній на Коломбо. Однажды туземцамъ удалось такимъ желѣзнымъ кольцомъ стянуть его, что, изнемогая отъ ужасовъ осады, европейцы солили тѣла убитыхъ, дабы имѣть мясо про запасъ, и въ мукахъ голода матери рѣшались ѣсть своихъ дѣтей. Этимъ отчасти объясняется, почему озвѣрѣлые португальскіе солдаты въ разгаръ неистоваго взаимоистребленія постепенно теряли всякое чувство мѣры, при расправѣ съ побѣжденными, и возмутительно насиловали инородческое населеніе, ознаменовывая моменты торжества и владычества надъ нимъ недостойнѣйшими жестокостями и безчеловѣчными поступками. Для примѣра, до чего могли доходить воины-христіане у Коломбо (какихъ-нибудь 300 лѣтъ тому назадъ!), стоитъ припомнить хотя-бы слѣдующій случай. Одного отважнаго цейлонца довелось взять въ плѣнъ: солдатъ-португалецъ, желая такъ-сказать воспринять его храбрость, подошелъ къ узнику, вырѣзалъ у него трепещущее сердце и принялся жадно пить его кровь...

Могущество лицъ, фактически правившихъ Цейлономъ, доросло вскорѣ до того, что властелинъ Раджа Синга («царь-левъ») имѣлъ возможность двигать съ возвышенностей на Коломбо 50-тысячную армію, 2000 слоновъ и колоссальнѣйшій обозъ, запряженный быками. Цейлонцы обзавелись даже своими судами для серьезныхъ морскихъ столкновеній съ португальцами; послѣдніе, не желая оставаться въ долгу, нещадно принялись истреблять селенія вдоль побережья, гдѣ имъ почему-нибудь казалось, что въ населеніи преобладаютъ неиріязненныя чувства: при этомъ спокойно отрубали руки и ноги у дѣтей, чтобы только удобнѣе было сорвать съ нихъ золотыя и серебряныя украшенія.

Тысячи кумировъ Будды изъ камня и бронзы низвергались католиками на землю; на глазахъ у матерей солдаты съ Запада поднимали на копья малютокъ; бѣлые варвары тѣшились кромѣ того кормленіемъ крокодиловъ многочисленными плѣнниками. Мѣстами чудовища до того привыкали лакомиться человѣче-

скимъ мясомъ, что стоило свистнуть и десятки отвратительныхъ головъ подымалось изъ воды на встрѣчу жертвамъ. Крещеніе инородцевъ силою или обманомъ за мнимыя почести и презрѣнный металлъ, конечно, практиковалось въ ту пору португальцами безъ зазрѣнія совѣсти. Немудрено, если прибрежные жители толпами бѣжали въ джонгль и въ горы, предпочитая жить въ изгнаніи и по-звѣриному чѣмъ покоряться чужакамъ-изувѣрамъ. Дурная слава о свирѣпости европейцевъ такъ долго продержалась въ странѣ, что даже и послѣ того, какъ португальцы были вытѣснены другими колонизаторами, кандійскій король въ 1664 г. отправилъ въ голландское Коломбо провинившагося сановника, съ просьбой испробовать на немъ какую-нибудь утонченную пытку, т. е. казнить его съ чисто западнымъ безсердечіемъ...

Но не на одномъ, увы! буддійскомъ Цейлонѣ сказывалось тлетворное вліяніе западнаго культуртрегерства тѣхъ временъ. Есть единовѣрная сингалезамъ страна, не менѣе ихъ испытавшая всѣ прелести подобнаго мнимо-цивилизующаго общенія и до нѣкоторой степени извѣрившаяся въ него. Я имѣю въ виду Сіамъ. Что такое Сіамъ? Какія представленія, кромѣ сказочныхъ, возникаютъ въ насъ при мысли о полуневѣдомомъ, даже до послѣдняго времени малоизслѣдованномъ царствѣ стараго типа, но притомъ съ достаточной долей самостоятельности по отношенію къ наступающей чужеземщинѣ? Тамъ — симпатичная частица Азіи, не пренебрегающей западнымъ просвѣщеніемъ и тѣмъ не менѣе борющейся за свои жизненныя права. На почвѣ сравнительно значительнаго королевства, съ двѣнадцатьюмилліоннымъ крайне смѣшаннымъ населеніемъ, издревле сталкиваются культурныя вліянія Индіи и Китая, въ основѣ же помимо того еще лежитъ загадочная «хмерская» цивилизація, такъ-сказать духовное зодчество неизвѣстно какими путями сюда проникшаго элемента кавказской рассы, послѣ котораго тутъ и въ смежной нѣкогда могущественной Камбоджіи сохранились гигантскіе памятники религіозно-эпическаго характера, съ необъятнымъ историческимъ и художественнымъ значеніемъ: лучи Рамаяны и буддійскихъ легендъ, переплетшіеся съ отраженною въ камнѣ лѣтописью боеваго возвышенно настроеннаго народа! Смѣсь монголо-тибетской и малайской крови, полнѣйшее pendant нашимъ инородцамъ-ламаитамъ и японцамъ, въ

большинствѣ малорослые и подвижные индо-китайцы являются странными преемниками непонятныхъ Хмеровъ съ ихъ государственнымъ строемъ, представляются результатомъ многообразныхъ этнографическихъ наслоеній въ такой части земнаго шара, гдѣ сознательнаго прошлаго и настоящаго почти нѣтъ, а будущее разовьется лишь на развалинахъ теперешняго матеріальнаго міра, когда сравнительно пассивные азіаты или окончательно допустятъ надъ собой главенство правителей съ Запада или примкнутъ къ пробуждаемымъ Сѣверомъ единоплеменникамъ. Примѣръ—налицо, въ видѣ недавняго паденія Аннама и однородныхъ ему политическихъ единицъ. Какое любопытное и во многомъ поучительное зрѣлище!

Безъ сомнѣнія, въ этой области вскорѣ неминуемо столкновеніе двухъ враждебныхъ колоніальныхъ началъ, и сіамцамъ грозитъ участь вродѣ той, что постигла милліоны ихъ единовѣрцевъ. Любопытно только, кто посягнетъ на безобидное царство и чье просвѣщенное иго будетъ тяжелѣе туземцамъ. Судя по историческимъ указаніямъ, всего раньше и легче имъ скажетъ: «вы — мои» твердый въ своихъ начинаніяхъ Альбіонъ, пристально вглядывающійся изъ Сингапура и Бирмы въ индокитайскій міръ, для энергичнаго вторженія въ Небесную имперію. Кто, кромѣ ущемленныхъ Тонкиномъ французовъ, могъ бы тамъ на югѣ рѣшительно соперничать съ британцами или противупоставить имъ сколько-нибудь серьезныя преграды? Для этого нуженъ могучій флотъ и нужна сильная оборона съ суши противъ храбрыхъ сипаевъ, которыхъ направятъ добывать владыкамъ Индіи новую неисчерпаемо-богатую страну. Ни того, ни другаго они не встрѣтятъ на почвѣ южнаго Китая. Каково же, однако, придется впослѣдствіе Россіи, когда деньги оттуда золотыми потоками польются на Западъ, за Ламаншъ, готовить намъ въ Европѣ самыя неожиданныя осложненія и чуть-ли не угрозы?

Сіамъ кажется издали, съ высоты орлинаго полета надъ Европой и волнующею ее злобою дня, чѣмъ-то слабымъ и третьестепеннымъ по значенію, но во имя грядущихъ русскихъ интересовъ на пробуждающемся Востокѣ маленькому самостоятельному государству, уцѣлѣвшему въ сумятицѣ разгрома Азіи «бѣлою» рассой, надо и впредь отъ души пожелать полной независимости и безболѣзненнаго развитія, процвѣтанія и

счастья... Если случится иначе, мы косвенно потеряемъ. Пока порядокъ вещей остается ненарушеннымъ, все незамѣтно складывается въ нашу пользу. Лишь-бы только пришельцы не колебали и не губили исконнаго азіатскаго строя!

Чаще и чаще приходится слышать о проектѣ глубоко прорѣзать перешеекъ Кра между Малаккой и Сіамомъ. Тогда путь въ Индо-Китай и Небесную имперію какъ изъ Индіи, такъ и съ европейскаго Запада укоротился бы сразу для пароходовъ на двое—трое сутокъ. Сингапуру послѣднее не выгодно, но въ общемъ англичане отъ этого ничуть не потеряютъ: слишкомъ необъятны ихъ торговые интересы на побережьяхъ Азіи! Если создастся новый столь важный каналъ, прямыми результатами будетъ присоединеніе къ упомянутой колоніи сѣверныхъ малайскихъ земель, платящихъ нынѣ дань Бангкоку, наплывъ въ него бѣлолицыхъ авантюристовъ, ускоренное завоеваніе южныхъ окраинъ материка колонизаторами не менѣе предпріимчивой рассы, чѣмъ даже сами китайцы: широко откроется дорога изъ бенгальскихъ водъ въ моря «желтой» рассы. Пришельцы съ удвоенною энергіей ее безвременно потревожатъ, покорятъ, станутъ порабощать и эксплоатировать...

Французскіе инженеры еще недавно домогались получить главныя средства на свои работы отъ сіамскаго короля, который однако можетъ только пострадать изъ-за чужой идеи. Говорятъ, за нее высказался старикъ Лессепсъ. Его родина, повидимому, призвана вовлекать властелиновъ на Менамѣ въ круговоротъ историческихъ зачастую роковыхъ событій. Въ XVII вѣка туда снаряжались экспедиціи волею Людовика XIV, мечтавшаго насадить тамъ христіанство. Онѣ начались вѣжливымъ обмѣномъ посольствъ и обычной дипломатической ложью, окончились жестокою взаимною непріязнью и кровопролитіями: непрочная и неискренняя, полуфиктивная связь съ Европой порвалась надолго и съ ожесточеніемъ. Возобновить ее, на почвѣ обоюдныхъ коммерческихъ и спорныхъ политическихъ выгодъ, впослѣдствіе удалось, конечно, раньше всего Великобританіи.

Между тѣмъ, какъ легко было, при отсутствіи фанатизма и тщеславія, достигнуть противуположнаго среди мягкаго и радушнаго буддійскаго народонаселенія! Въ этомъ ясно убѣждаешься, читая замѣчательныя записи-дневники отцовъ-миссіонеровъ (преимущественно ученыхъ іезуитовъ), посѣщавшихъ

въ ту интересную пору просыпавшійся на встрѣчу цивилизаціи и простиравшій объятія Франціи средневѣковой Сіамъ.

Вина европейцевъ, не умѣвшихъ тогда заслужить довѣрія простодушныхъ и по своему образованныхъ язычниковъ, заключалась въ узости взгляда у первыхъ и въ широтѣ религіозныхъ воззрѣній у вторыхъ. Сіамскій правитель строилъ дорогимъ гостямъ церкви, приказывалъ украшать пріемные покои католиковъ-пословъ золотыми распятіями, отдавалъ плѣнныхъ аннамитовъ инструкторамъ войскъ—христіанамъ для обращенія ad libitum въ «Западную вѣру»,—но самъ не крестился, ибо его сердца не коснулась Благодать... Вмѣсто молитвеннаго ожиданія и кроткаго однозвучнаго подобному поведенію воздѣйствія, люди съ Запада чисто формально и матеріалистически взглянули на вещи. Грубый успѣхъ не давался, и съ кроткими жителями страны понемногу нашли излишнимъ стѣсняться.

Будь вопросъ поставленъ иначе, миссіонерство въ этихъ странахъ смѣло могло разсчитывать на блестящее поприще. Напримѣръ, въ столицѣ Сіама невозбранно возникла и развилась семинарія, гдѣ занималось по латыни, познавало богословіе до сорока индо-китайцевъ различнаго происхожденія (кохинхинцевъ, бирманцевъ) и даже японцевъ. Рукополагаемые тамъ и отправляемые во свояси неофиты преобразили-бы съ теченіемъ времени жизненный строй тьмы соотечественниковъ. Царствовавшій на Менамѣ (ровно двѣсти лѣтъ назадъ) сіамскій государь читалъ переведенное для него Евангеліе, хранилъ Крестъ въ своей опочивальнѣ, чтилъ Имя Господне, помогалъ христіанскимъ проповѣдникамъ проникать въ предѣлы Небесной имперіи... и съ такимъ государственнымъ человѣкомъ Азіи представители нашей культуры не поддержали тѣсныхъ дружественныхъ сношеній! Очевидно, винить за это надо не Востокъ. И упорные голландцы, и робкіе еще англичане, и потерявшіе престижъ португальцы сносились, правда, въ ту же эпоху съ югомъ Индо-Китая, но почти исключительно въ качествѣ купцовъ: Сіаму естественно льстила возможность достигнуть какого-нибудь союза или, по крайней мѣрѣ, соглашенія съ могущественнымъ западнымъ народомъ, а послѣдній безцѣльно пренебрегъ собственными интересами на дальнихъ побережьяхъ. Поучительный примѣръ, почему въ подобныхъ

случаяхъ полезно и необходимо разумнѣе загадывать и на столѣтія разсчитывать впередъ!

О томъ какъ легко дисциплинировать и вообще учить сіамское войско говорили уже два вѣка тому назадъ французскіе дворяне, посланные на Менамъ защищать тамъ интересы своего правительства, находившаго тогда возможнымъ отъ имени «короля-солнца» писать туземному царю: «très-haut, très excellent, très-puissant et très-magnanime prince, nôtre très-cher et bon ami, Dieu veuille augmenter vôrte grandeur!» Теперь въ Парижѣ и значенія не придаютъ связямъ съ сіамцами: между тѣмъ, разница въ могуществѣ и положеніи въ ту пору едва-ли не рѣзче бросалась въ глаза. Правда, въ то время еще умѣли и хотѣли быть вѣжливыми!

Представители «бѣлой» рассы шли сюда, чтобы обогащаться и повелѣвать. Имъ дѣла не было, какъ это можетъ отозваться на туземномъ населеніи. Въ результатѣ получились и непріязнь, и опасенія по отношенію къ пришельцамъ изъ-за моря. Совершенно иначе должны смотрѣть и фактически смотрятъ на насъ уже всѣ подпавшіе или еще подпадающіе подъ европейское иго народы Востока. Они знаютъ могущество Бѣлаго Царя, у ногъ котораго покоится цѣлая родная ему Азія,—знаютъ, что въ вопросахъ внѣшней не колоніальной, а исключительно территоріальной политики Россіи не нужны тотъ мишурный блескъ, за которымъ по-дѣтски гонятся менѣе ея увѣренныя въ конечномъ успѣхѣ предпріимчиво-безпокойныя націи Запада, — главнымъ образомъ цѣнятъ въ насъ то высокое качество, что мы по мѣрѣ силъ всегда вносили и вносимъ въ хаосъ собственной и чужой жизни начала прямодушія и безъискусственной доброты, жажду настоящаго подвига во имя святости самого подвига, взглядъ на человѣка всякаго племени и всякой вѣры, какъ на Божье созданье, которое намъ не можетъ не быть близко и по плоти, и по духу. На такой-то основѣ русскаго національнаго характера и непосредственныхъ христіанскихъ идеаловъ сложилась наша «крѣпкая по однородности состава» хотя и разноязычно-пестрая имперія, творчески вліяющая на каждый тяготѣющій къ ней уголокъ азіятскаго материка...

Нѣмецъ, французъ, англичанинъ изслѣдуютъ и знаютъ относительно хорошо Азію, создали спеціально для нея колоссальную литературу,—Россіи же, которая есть ключъ къ по-

ниманію Востока и составляетъ главную его часть, они до сихъ поръ не постигли, до сихъ поръ силятся ее истолковать и опредѣлить.

VI.

На Менамѣ бывали и сравнительно долго оставались выдающіеся по наблюдательности и подготовкѣ путешественники, подобные Адольфу Бастіану,—Бангкокъ посѣщали, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, образованные представители культурнѣйшихъ государствъ (въ 1879 г. американскій эксъ-президентъ Грантъ, въ 1881 г. его королевское высочество герцогъ Генуэзскій, въ 1888 г. герцогъ Сэфферландскій и т. д.),—сюда пріѣзжали художники съ именемъ (знаменитый акварелистъ Эдуардъ Хильдебрандтъ) и политическіе авантюристы безъ числа: однако никто изъ нихъ не отнесся съ искренней симпатіей къ сіамской жизни и ея правамъ на будущее, никто не схватилъ и не выразилъ идеи, чѣмъ могло бы стать царство дома Чакра-Кри: очагомъ воздѣйствія независимыхъ, непорабощенныхъ Европою элементовъ азіатскаго материка на подавленную британскимъ владычествомъ Бирму, на изнывающую подъ нимъ Индію. Послѣднее обстоятельство было аксіомой для самихъ туземцевъ этой первой страны, пока ее не погромили «бѣлые» враги. Оттуда посылались еще въ наше столѣтіе эмиссары въ Оудъ, Дэли, Пэнджабъ, Кашміръ, маратскія земли: поднять и организовать населеніе къ борьбѣ противъ пришельцевъ-колонизаторовъ. То, что не удалось тогда бирманцамъ, исторически завѣщано Сіаму. Помочь ему въ осуществленіи задачъ, клонящихся къ благу многихъ милліоновъ соотечественниковъ (въ обширномъ смыслѣ слова), способенъ Китай, и жаль, что сношенія между обоими правительствами, когда-то дружественныя и взаимнополезныя, въ данную минуту порваны и сведены на нѣтъ. Пекинъ (кто-бы въ немъ ни царилъ), какъ центръ тяжести смутныхъ интересовъ половины Востока, еще далеко не отжилъ свой вѣкъ.

На Менамѣ туземцы изстари непрочь были отъ общенья и союза съ «бѣлыми» пришельцами. До сихъ поръ, къ несчастью, идеальная потребность эта не находила пищи и удовлетворенія. Сіамцы, всегда относившіеся съ пріязнью къ чужестранцамъ,

особенно благоволили напр. когда-то къ голландцамъ и въ 1624 г. даже, въ защиту ихъ интересовъ, запутались въ весьма убыточную войну съ испанцами Филиппинскихъ острововъ. Нидерландскіе колонизаторы условно цѣнили эту дружбу, и, не отказывая помогать Сіаму въ моменты его случайной борьбы съ мятежниками на Малаккскомъ полуостровѣ, тѣмъ не менѣе плохо снабжали туземцевъ просимыми пушками, — вѣроятно, боясь усилить самобытное по духу царство въ ущербъ себѣ.

Въ томъ же вѣкѣ, но позже, аналогично хотѣли поступать и потерпѣли фіаско французы. Будь замыслы иностранцевъ съ Запада честнѣе, они давно бы въ лучшемъ смыслѣ слова пріобщили край къ цивилизаціи. Мѣстные жители стремились въ лицѣ правителей принять участіе въ событіяхъ міровой жизни. Когда сюда явился современникомъ Людовика XIV одинъ политически мудрый выходецъ со Средиземнаго моря, тогдашній царь, цѣня его совѣты, возвысилъ этого иноземца до самыхъ высокихъ должностей, поставилъ его надъ принцами и сановниками. Этотъ родившійся подъ счастливой звѣздою человѣкъ былъ родомъ грекъ: Константинъ Фоконъ (Constance Faulcon) съ острова Кефалоніи, признававшей въ ту пору власть Венеціи. Если уже оттуда, изъ-за тридевяти земель, могли съ успѣхомъ проникать въ Индо-Китай XVII столѣтія эгоистически предпріимчивые люди безъ патріотическихъ интересовъ и стремленій, то въ данную минуту, понятно, почва въ Сіамѣ еще благопріятнѣе дѣятелямъ, вродѣ датчанина коммодоре де-Ришелье, для постепеннаго созданія на ней прочно обоснованнаго противодѣйствія хищнымъ вожделѣніямъ передовыхъ европейскихъ націй.

Индо-китайскія колоніи, имѣющія центромъ Сайгонъ, не для того создавались, чтобы враждовать съ пиратами, съ Небесной имперіей и Бангкокомъ,—а главнымъ образомъ дабы пріобрѣсти Франціи престижъ и могущество за моремъ, — особенно въ сферахъ Азіи, гдѣ ея исконный врагъ во всѣхъ частяхъ свѣта— Англія уязвима какъ нельзя болѣе въ своихъ индійскихъ владѣніяхъ, куда кромѣ нашихъ среднеазіатскихъ областей стратегически лучшій путь ведетъ сквозь Сіамъ на Бирму. Если французское правительство захочетъ играть на Дальнемъ Востокѣ подобающую ему роль великой державы, оно можетъ

сразу пріобрѣсти выдающееся вліяніе, не давая сіамцамъ задохнуться въ объятьяхъ Альбіона. Но самимъ тѣснить или обижать почти беззащитный народъ французамъ, по-моему, положительно не слѣдъ: хотя бы во имя будущаго индо-французскаго государства, которое не должно тамъ рости на насиліяхъ и крови, какъ это любо нѣкоторымъ другимъ націямъ! Только обаяніемъ разумнаго безкорыстія въ области политики западный человѣкъ можетъ привлечь восточнаго на свою сторону и совершить съ нимъ рука объ руку плодотворно-знаменательныя дѣла. Встань сайгонская центральная власть на эту точку зрѣнія, она получила бы сразу огромнѣйшую популярность среди весьма обширнаго раіона: Сіамъ тогда, очевидно, предпочелъ бы довѣриться рыцарской поддержкѣ французовъ, чѣмъ сдѣлаться рано или поздно буферною игрушкой въ рукахъ англичанъ.

Событія въ Европѣ только отсрочили неминуемое: Сайгонъ сталъ французскимъ съ 1859 г., когда Наполеонъ III въ союзѣ съ испанскимъ правительствомъ приказалъ учинить нѣчто вродѣ крестоваго похода на языческій Индо-Китай, гдѣ подъ «желтымъ» аннамскимъ знаменемъ «дѣтей небеснаго царя» (какъ себя величали аннамиты) по временамъ очень плохо жилось туземнымъ христіанамъ. Борьба велась далеко не безъ значительныхъ жертвъ: въ виду храбрости и стойкости мѣстныхъ войскъ, оборонявшихся къ тому же позади укрѣпленій, возведенныхъ десятки лѣтъ назадъ приглашенными сюда на службу инженерами-французами. Побѣдивъ сообща съ Испаніей, Франція предложила послѣдней покинуть Кохинхину, мотивируя свое требованіе тѣмъ, что союзникамъ впереди улыбаются «Слава» и «Тонкинъ». Перваго бѣдные испанцы и такъ уже достигли, а тратиться на дальнѣйшія сложныя экспедиціи они, очевидно, не были въ силахъ...

Въ Парижѣ пока не въ достаточной мѣрѣ сознаютъ, чѣмъ за пріобрѣтеніе для него представляютъ индо-китайскія земли. Есть даже немало голосовъ, осуждающихъ колоніальную политику правительства. Между тѣмъ, французы могли бы при желаніи,—будь у нихъ прозорливѣе государственные дѣятели,—играть гораздо бо̀льшую роль въ Тихомъ океанѣ и вообще въ полуденной Азіи, чѣмъ на долю великаго народа выпадало до сихъ поръ.

Говорятъ, что матеріальные результаты республиканскаго режима здѣсь еще слабы,—но дѣло не въ нихъ, а въ способности удержать за собой пріобрѣтенное узами взаимной пріязни и простотой отношенія: повидимому, французы на это мастера. Если такъ, будущее на Востокѣ за ними и за нами. Единственное, что нравственно вредитъ имъ,—вражда съ могущимъ оказать громадныя политическія услуги слабымъ Сіамомъ, — такое легко поправимое зло! Вѣдь съумѣли же колонизаторы Кохинхины поладить съ камбоджійскимъ королемъ Нородомомъ,— вѣдь не рѣжетъ же уха никому, когда бравые роялистически настроенные матросы кричатъ на половину развѣнчанному азіатскому монарху: «vive le roi!» — а воспитанные въ преданіяхъ самодержавной власти камбоджійцы отвѣчаютъ: «vive la république!»? Гораздо лучшій modus vivendi возможно и необходимо придумать съ Бангкокомъ: тамъ бы сохранили независимость, не имѣли споровъ и столкновеній на франко-аннамитской границѣ, видѣли врага лишь въ лицѣ поработителей Бирмы, но не съ сѣверо-запада, гдѣ правящимъ пора отождествлять свои интересы съ истинными нуждами восточныхъ народовъ и русско-китайскаго міра. Только въ этомъ кроется залогъ силы и преуспѣянья...

Весьма любопытно какъ быстро французы воспользовались коренными жителями въ качествѣ превосходнаго боевого элемента,—легко поддающагося дисциплинѣ, беззавѣтно храбраго и преданнаго своимъ инструкторамъ, отлично приспособленнаго къ тяжелымъ условіямъ войны въ глуши Индо-Китая и, вдобавокъ, вдвое-втрое дешевле обходящагося чѣмъ содержаніе нижнихъ чиновъ изъ метрополіи. Конечно, странное впечатлѣніе производятъ на первыхъ порахъ низкорослые женоподобные воины, монгольскаго типа, съ шиньонами (обучающіе «бѣлые» одѣты въ обыкновенную военно-морскую форму, инородцы же въ синіе мундиры-блузы съ кушакомъ и бѣлые штаны; верхушка соломенной шляпы обита мѣдью); но въ сущности только такими они могутъ сохранить племенную индивидуальность, столь важную для дальнѣйшей борьбы въ Азіи, гдѣ кровью сипаевъ, гдѣ мужествомъ денаціонализированныхъ наемниковъ-туземцевъ колонизирующія государства спаиваютъ

себѣ экономически цѣнныя владѣнія. Подобно тому какъ въ Алжирѣ съ пользой создались кадры изъ арабовъ,—аннамитскіе полки, обученные на западный ладъ, обѣщаютъ дать и уже неразъ дали блестящее доказательство своей пригодности. Безъ сомнѣнія, подъ опытнымъ руководствомъ, они съумѣли бы постоять за честь французскаго знамени и противъ горкинцевъ, и противъ сикховъ (въ случаѣ всегда возможныхъ осложненій на бирманскомъ рубежѣ). Одно обстоятельство этимъ солдатамъ,—стремящимся усвоивать языкъ своего начальства и подольше оставаться въ симпатичномъ имъ строю—ставится въ упрекъ: они скоро балуются отъ хорошей жизни на службѣ, получая «огромныя для нихъ» деньги (по луидору въ мѣсяцъ!), и, если получаютъ отставку, то неспособны болѣе къ мирному труду, а поступаютъ въ ряды пиратовъ. Послѣдніе, въ лицѣ китайскихъ выходцевъ (такъ-называемыхъ «черныхъ» и «желтыхъ» флаговъ), съ радостью вербуютъ людей, хоть смутно знакомыхъ съ военно-европейскимъ искусствомъ, и затѣмъ, опираясь на недовольныхъ въ числѣ кореннаго населенія, ведутъ безсмысленную и раззорительную для молодой заморской имперіи нескончаемую партизанскую войну: Тонкинъ въ короткій срокъ уже стоилъ побѣдителямъ свыше 700,000,000 франковъ, при чемъ крупная доля ежегодно извлекалась и до сихъ поръ извлекается изъ доходовъ съ Кохинхины, житницы сѣвернаго Индо-Китая.

Какой-то остроумный писатель о Дальнемъ Востокѣ выразился, что колонизаторы тамъ имѣютъ всегда именно тѣхъ китайцевъ, какихъ заслуживаютъ имѣть. Если съ ними умѣло обращаться, —не давая имъ напр. сплочиваться въ секретныя общества съ агрессивнымъ характеромъ,—трудно найти подданныхъ покладистѣе и полезнѣе. Установить modus vivendi тѣмъ необходимѣе и своевременнѣе, что изъ южныхъ провинцій Небесной имперіи зачастую переселяются элементы, склонные возмущать противъ европейскаго владычества аннамитское населеніе. Негласно поддерживаемый ими вождь пограничныхъ (тонкинскихъ) борцевъ за независимость (отважный doc Ngu) въ 1891 г. выдержалъ, во главѣ незначительной шайки (въ теченіе семи часовъ) сраженіе съ регулярнымъ отрядомъ войскъ республики и отступилъ,—упорно отстаивая каждую пядь земли, унося

съ собою раненыхъ и убитыхъ. Такихъ героевъ національной самообороны разбросано по сѣверу колоніи—ничтожное число. Между тѣмъ, устраиваемая на нихъ облава стоитъ безумныхъ денегъ и ни къ чему не приводитъ. Нѣтъ-ли средствъ избѣжать и ея, и напрасныхъ затратъ?

Вмѣсто веденія убыточной и жестокой борьбы съ единично непокорными туземцами,—которые въ отчаяніи иногда способны возбуждаться до утонченно-звѣрскаго состоянія (при плѣненіи въ лѣсу одного французскаго офицера, ему связанному распороли животъ и осторожно вынули внутренности, затѣмъ несчастнаго обмазали медомъ для приманки муравьевъ и предоставили медленной агоніи)—благоразуміе требуетъ разъ навсегда уничтожить поводъ къ подобному антагонизму. Достигнуть же этого относительно легко, живя въ добромъ согласіи съ китайцами и привлекая ихъ лаской въ свои владѣнія. И такъ уже теперь длиннокосые чолонцы (горожане одного пункта у Сайгона) навѣкъ, — а не временно, — пускаютъ корни въ Кохинхинѣ, записываясь французскими гражданами, заводятъ тѣсныя торговыя сношенія съ другими французскими колоніями, необыкновенно быстро свыкаются съ французскими законами, порядками, языкомъ и нравами. При мудрой попыткѣ (по мысли глубоко знающихъ и развитыхъ католическихъ миссіонеровъ) упростить туземную идеографическую грамоту (результатъ подавляющаго вліянія цивилизаціи Китая) введеніемъ въ преподаваніе латинской транскрипціи,—что косвенно служитъ путемъ къ незамѣтному усвоенію подростающимъ поколѣніемъ западной письменности и шутя ему дающейся французской рѣчи,—открывается новая эра въ духовной жизни края. Проповѣдники изъ Франціи,—еще въ прошломъ столѣтіи радѣвшіе о возрожденіи Аннама (проложеніемъ хорошихъ дорогъ, поощреніемъ промышленности, изготовленіемъ домашними средствами фитильныхъ ружей, созданіемъ умѣющаго искусно маневрировать обширнаго мелкаго флота, изданіемъ удобопонятныхъ данныхъ о тактикѣ для туземныхъ военачальниковъ и т. п.)—и впредь, надо предполагать, постараются быть на высотѣ призванія не только просвѣщать Истиной, но и всесторонне учить темное коренное населеніе. Всматриваясь въ лѣчебныя средства страны, отцы-монахи открыли ядовитую ліану hoang-nan (strychnos gautheriana), которою можно изцѣлять почти недоступную нашему врачеванію про-

казу и бѣшенство. Тѣ-же хаотически опасныя качества таятся въ сердцѣ индо-китайца. Если овладѣть ихъ сущностью и обезвредить ея проявленія, въ концѣ концевъ она сдѣлается источникомъ блага. Дай-то Богъ, чтобы подвижникамъ съ Запада удалось поскорѣе смягчить и облагородить христіанскимъ міропониманіемъ воспріимчивую къ добру природу!

VII.

Говоря пространно о вліяніи западныхъ элементовъ на Востокѣ, я не сказалъ еще нечего о Нидерландской Индіи, достойной однако вниманія во многихъ отношеніяхъ.

Какими средствами держится маленькая Голландія на дальнемъ Востокѣ? Кому ввѣряются тамъ интересы этого симпатичнаго королевства?

Колоніальный строй въ основѣ своей настолько патріархаленъ, что и о немъ стоитъ сказать два-три слова. Голландцы не мудрствуютъ лукаво, а главное не называютъ чернаго бѣлымъ. Они пришли сюда не благотворить, но обогащаться,— осторожно, умѣренно и не задаваясь еще разными посторонними цѣлями культурно-политическаго характера. «Бѣлые» тутъ строги, аккуратны и послѣдовательны во всемъ, что предпринимаютъ и дѣлаютъ: коренные жители, находясь подъ отечески разумной опекой и никогда не терпя матеріально тяжкой нужды, тѣмъ не менѣе воспитываются,—согласно стариннымъ обычаямъ и привычкамъ простодушнаго населенія,—въ самой желѣзной дисциплинѣ. Почитаніе владыкъ края,—начиная отъ низшихъ служащихъ, представляющихъ собою «бѣлую рассу»,—возведено тутъ въ своего рода культъ.

Если вполнѣ замиренный архипелагъ со временемъ подвергнется разумной эксплоатаціи, то нельзя и предсказать, какъ много онъ дастъ нидерландскому правительству. Развитію его дѣятельности подъ экваторомъ должна открыться необозримая арена. При умѣніи ладить съ инородцами, администраторы долго еще въ состояніи будутъ,—не подступи только опасность извнѣ,—являться царями цвѣтущихъ областей съ коричневымъ населеніемъ. Оно, по общему отзыву, представляетъ удобнѣйшую среду для искусныхъ колонизаторовъ. Сѣверянинъ можетъ тамъ спокойно опираться на туземный элементъ.

Рыцарскій духъ положительно присущъ характеру вспыльчивой и мстительной, но въ основахъ благородной малайской рассы. Примѣровъ тому великое множество. Когда голландцы теряли Коломбо, почти все войско изъ наемниковъ-европейцевъ довольно пассивно отнеслось къ успѣхамъ англичанъ. Одни только солдаты съ Явы выказали стойкое сопротивленіе. Единоплеменные имъ сипаи съ полуострова Малакки и съ острововъ сосѣдняго архипелага, находясь позднѣе на службѣ британскаго правительства, попали въ плѣнъ къ Кандійскому царю, у котораго многіе ихъ родственники пользовались хорошимъ жалованьемъ въ качествѣ любимыхъ тѣлохранителей: на предложеніе тоже получать таковое и присягнуть новому повелителю, плѣнные почтительно отказались, хотя знали, что за отказъ имъ грозитъ смерть. Разгнѣванный монархъ нагорнаго Цейлона далъ этимъ малайцамъ два мѣсяца на раздумье и затѣмъ заставилъ казнить дерзкихъ людей, желавшихъ сохранить вѣрность «бѣлому» народу, хотя они знали, что за это даже трупы ихъ запрещено будетъ предать погребенію. А сколько такихъ безвѣстныхъ героевъ украшаетъ собою исторію тѣснимаго Западомъ Востока!

Главной опасностью голландцамъ въ ихъ Индіи является панисламизмъ. На родину Магомета ежегодно (отъ Судана до Китая) стекается для поклоненія свыше 100,000 душъ. Аравитяне всячески обираютъ и развращаютъ пришельцевъ, изъ коихъ иные прямо осѣдаютъ среди мекканцевъ и, мало-по-малу, образуютъ цѣлыя колоніи (смотря по происхожденію), куда естественно направляется бо̀льшій и бо̀льшій притокъ земляковъ. Правовѣрные,—разсѣянные и разрозненные до̀ма,—здѣсь, на благопріятной почвѣ, встрѣчаются и сплочиваются идеею объ единствѣ народовъ подъ знаменемъ «пророка». Принципы панисламическаго характера воспламеняютъ слѣпую массу. Невѣжественно-фанатичная Мекка, а косвенно и Медина, стягиваетъ и сближаетъ недовольныхъ порядками въ краяхъ, гдѣ повелѣваютъ христіане. Онѣ повсюду разсылаютъ агентовъ съ цѣлями пропаганды и привлеченія наивныхъ пилигримовъ въ «священные» города мусульманской исторіи. Возвращающіеся оттуда пользуются зачастую весьма нежелательнымъ значеніемъ и вліяніемъ. Въ виду существованія тамъ множества (до 150)

экзальтированныхъ духовныхъ общинъ (двадцати шести дервишскихъ орденовъ) тысячи и тысячи хаджей подпадаютъ при посѣщеніи Аравіи подъ неотразимое вліяніе учителей-мистиковъ и уходятъ обратно, скрѣпленные съ ними и съ ихъ широкоразвѣтвленными братствами неразрывнымъ звеномъ. Вотъ гдѣ очаги и элементы послѣдующаго броженія среди искренно вѣрующихъ магометанъ...

Голландцы это поняли, но довольно поздно: яванцы и вообще малайцы уже нѣсколько вѣковъ сряду отправлялись въ далекій и когда-то смертельно опасный путь къ мекканской гавани Джеддѣ на Красномъ морѣ. Теперь условія измѣнились: европейскіе пароходы, сравнительно съ удобствами, нескончаемыми толпами доставляютъ туда желающихъ изъ Индіи, а также изъ нидерландскихъ владѣній. Въ результатѣ: совершившіе «хаджъ» становятся политической силой, олицетвореніемъ оппозиціи иновѣрнымъ властямъ и народнаго недовольства; однимъ словомъ, побывшіе въ Меккѣ нерѣдко грозятъ потомъ смутою правителямъ-христіанамъ. На Явѣ съ этимъ фактомъ благоразумно считаются и принимаютъ мѣры, чтобы парализовать вспышки фанатизма со стороны набожныхъ путешественниковъ изъ Аравіи, когда они склонны волновать родное населеніе. Однако вмѣшательство администраціи нерѣдко запаздываетъ. Напримѣръ, въ концѣ 80-хъ годовъ хаджи возмутили чернь противъ «резидента», всего въ 110 верстахъ отъ Батавіи (изувѣры вообще стараются уронить престижъ угодныхъ голландцамъ туземныхъ вождей и князей) и предали свое непосредственное начальство казни со всей его семьей. Еще раньше были звѣрскія кровопролитія такого же характера, причемъ поплатились честью и жизнью многія европейскія женщины и дѣвушки. Есть основаніе предполагать, что нити скрытыхъ заговоровъ раскинуты по цѣлой Явѣ. Особенно подозрительны дервиши толка Накшабенди, признающіе своимъ повелителемъ могущественнаго духовнаго шейха въ Меккѣ...

Въ индо-нидерландскихъ колоніяхъ насчитывается въ данное время около полумилліона китайцевъ. Въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ они до такой степени акклиматизировались на Явѣ, что до нѣкоторой степени могутъ ее считать второю родиною. Браки съ туземными женщинами, знаніе туземныхъ нарѣчій, эксплоатація пассивнаго населенія, умѣніе, когда нужно,

угождать властямъ,—все вмѣстѣ взятое прочно привязываетъ единомышленный подданнымъ богдыхана народъ къ мѣстной почвѣ, къ мѣстнымъ условіямъ. Китаецъ вездѣсущъ на «изумрудномъ островѣ» и въ смежныхъ съ нимъ земляхъ. Онъ— и фабрикантъ, и земледѣлецъ, и арендаторъ, и управляющій: то онъ является архитекторомъ, то ростовщикомъ, то залогодателемъ, писцемъ, кассиромъ, типографомъ, кучеромъ, поваромъ,—однимъ словомъ, чѣмъ угодно. Искусно создавая для себя кредитъ, любой полунищій представитель желтой рассы быстро богатѣетъ, неутомимо расширяетъ свои торговыя операціи, обзаводится экипажемъ, все больше и больше вкрадывается въ довѣріе коммерсантовъ-европейцевъ, никѣмъ не контролируемый ведетъ книги торговаго дома на китайскій ладъ, китайскими письменами... и вдругъ въ одинъ прекрасный день оказывается банкратомъ! Обыкновенно не бываетъ никакихъ средствъ предугадать крушенія подобныхъ эфемерныхъ фирмъ и уличить ихъ въ злоумышленномъ образѣ дѣйствій; здѣсь, однако, настолько привыкли къ подобнаго рода катастрофамъ, что это нисколько не нарушаетъ установленнаго modus vivendi между «бѣлыми» и китайцами. Послѣдніе обложены въ голландскихъ колоніяхъ спеціальною податью (съ косы) отъ 2 до 50 рублей, неся кромѣ того тяжесть другихъ налоговъ.

Этотъ получужой, полутуземный элементъ обязанъ жить въ особыхъ кварталахъ, гдѣ имъ управляютъ и за него отвѣтственны передъ правительствомъ такъ-называемые майоры, капитаны, лейтенанты изъ китайской же среды.

Подростающее поколѣніе «желтолицыхъ» отличается большими способностями, старается получить образованіе въ школахъ европейскаго образца, по мѣрѣ возможности усваиваетъ англійскій языкъ и нерѣдко проникаетъ въ доступныя для немногихъ высшія училища Явы. Съ цѣлью имѣть въ свою очередь людей, которые бы хорошо знали по-китайски и могли быть полезны властямъ при сношеніяхъ съ длиннокосыми подданными, правительство командируетъ въ Небесную имперію молодыхъ людей для основательнаго ознакомленія съ тамошнимъ строемъ и рѣчью. Такіе синологи, пріѣзжая на Яву въ качечтвѣ драгомановъ, получаютъ тутъ хорошіе оклады отъ казны (примѣрно въ 5—6000 руб.); ихъ, впрочемъ,—только пять человѣкъ.

VIII.

Существовавшія по всему древнему и средневѣковому Востоку взаимоотношенія духовнаго характера пока, съ европейской точки зрѣнія, представляются довольно мало выясненными; но уже самый фактъ ихъ безпрерывнаго существованія и воздѣйствія на ходъ міровыхъ событій по моему—неизмѣримо важнѣе скучныхъ мелочей, изъ которыхъ сложена старательно изучаемая нами европейская исторія.

Тамъ, въ игнорируемой Азіи, народы вѣчно ощущали трепетъ мистическихъ порывовъ въ ту безплотную вышину обряда и молитвы, гдѣ передъ Божественными Началами смолкаютъ враждующіе элементы націонализма, племеннаго разногласія и т. п. Тишиною вѣетъ отъ многихъ нѣкогда раздиравшихся смутами многолюднѣйшихъ областей, гдѣ съ почитаемаго безкровными жертвами алтаря очи изваяннаго или металлическаго Шакья-Муни взглянули съ кротостью и тайной на притекающую къ нему толпу.

Обломки его статуй, нетлѣнно уцѣлѣвшія изображенія «царевича-учителя» и браминскихъ небожителей, опустѣлые города-монастыри съ дивными по архитектурѣ индійскими капищами и барельефами рѣдкой красоты, — все это еще не исчезло съ поверхности Явы, въ одинокомъ величіи затеряно въ сторонѣ отъ дорогъ, убѣдительно говоритъ о прежнемъ обаяніи Индостана и просыпавшемся въ немъ характерномъ Drang nach Osten. Потому-то въ предѣлахъ французскаго Индо-Китая и сохранились до сихъ поръ, на неопредѣленной границѣ съ Сіамомъ, развалины безсмертныхъ чертоговъ богамъ съ отразившимся на камняхъ пантеономъ гангетическаго стройнаго міра. Эпическіе герои, фантастическія исчадія простонародныхъ вѣрованій, отвлеченные символы жрецовъ, — каждая особенность его запечатлѣна тамъ, въ этой отцвѣтшей Камбоджіи, рукою безвѣстнаго художника-ваятеля или творческимъ помысломъ зодчаго, которыхъ слушались и которымъ помогали цари. Идолы Будды какъ нѣчто чудотворное привозились съ юго-запада въ Небесную имперію. Религія и знаніе, блестящими звеньями скрѣпляющія братство народовъ, шли туда же изъ Индіи.

Если ужъ любить и признавать родной намъ сосѣдній материкъ за что-то близкое духомъ и органически съ нами еди-

ное,—то любовь должна въ равной мѣрѣ переноситься на всякій уголочекъ земли, гдѣ убѣжденный монархистъ-азіатъ въ трудѣ и покаяніи находитъ задушевный отвѣтъ на самые жгучіе для человѣка вопросы: зачѣмъ мы собственно живемъ и какъ избѣгнуть страданія?

Мы нерѣдко жаждемъ приключеній, въ силу особенностей своего національнаго характера, ищемъ случая предпринимать зачастую всякія дикія «хожденія за три моря», украшаемъ свои и чужіе музеи результатами экспедицій въ такіе края, гдѣ русскому піонеру положительно нечего дѣлать, и наряду съ тѣмъ равнодушны къ осуществленію прямыхъ и непосредственныхъ государственныхъ задачъ въ предѣлахъ Азіи, которая вѣдь, *строго говоря, въ полномъ объемѣ есть та же Россія*, но только удостоивающаяся еще меньшаго вниманія со стороны русскихъ образованныхъ людей и дѣятелей вообще чѣмъ многія внутреннія области и довольно глухія окраины нашего неоглядного отечества. Между тѣмъ, неотложно приходитъ пора иначе взирать на вещи, глубже всмотрѣться въ Азію, считать изученіе ея дѣломъ первостепенной важности и необходимости.

Мы—русскіе, будучи по престижу первые въ Азіи, добровольно пока уступаемъ, кому придется, свою историческую роль и завѣщанную предками миссію главарей Востока. Отъ подобнаго ненормальнаго положенія вещей въ смыслѣ матеріальнаго процвѣтанія выигрываютъ, что ни годъ, представители западныхъ началъ,—чуждые по духу и въ сущности ненавистные тѣмъ народамъ древняго типа, которымъ они пушками навязали общеніе съ собой: Бирмы, Камбоджіи, Аннама больше нѣтъ, Сіамъ—наканунѣ опасныхъ катастрофъ извнѣ; одинъ Китай *) на стражѣ своихъ и безсознательно на стражѣ русскихъ интересовъ со змѣиной мудростью отстаивается, копитъ силы противъ заморскаго врага, тоскливо озирается на безмолвный Сѣверъ,—единственное государство, откуда воспитанная въ принципахъ самодержавія страна богдыхановъ можетъ и привыкла ждать нравственной опоры, безкорыстной помощи, фактическаго союза на почвѣ взаимныхъ интересовъ.

На этомъ Сѣверѣ тумана, тайги и льдовъ,—въ крайней

---

*) Написано въ 1891 г.—но не утеряло смысла даже въ данную минуту, когда китайцы даютъ Западу хорошій урокъ.

Восточной Сибири Хабарова и ему подобныхъ удальцевъ,— еще почти повсемѣстно царятъ первозданная тишина, глубочайшій покой, неподвижность окоченѣнія. Лишь въ исходѣ вѣка, съ проложеніемъ новыхъ путей, для нашего восточнѣйшаго побережья можетъ настать новая эра съ неожиданными послѣдствіями, а пока на немъ, конечно, почіетъ печать чего-то несложившагося и грустнаго словно бытъ коренныхъ насельниковъ. Тѣмъ больше вниманія и безпристрастнаго сужденія требуется отъ всякаго, кто хотѣлъ бы провести поучительную параллель между благодатными странами открывшагося «бѣлому» человѣку тихо-океанскаго юга съ его изумрудною Явою, неисчерпаемыми естественными богатствами индо-китайскихъ земель, самоувѣренною жизненностью Небесной имперіи и т. п. съ одной стороны, когда съ другой рисуешь себѣ топь и глушь, необъятныя пустынныя окраины государства, которое,—при всей ихъ кажущейся убогости и суровости, — призвано быть очагомъ свѣта для смежныхъ съ ними пространствъ съ потерявшимъ себѣ счетъ населеніемъ.

Крошечная Голландія обладаетъ въ раіонѣ Азіи свыше чѣмъ тридцатью милліонами жителей (да еще у экватора, гдѣ природа—рай!): важнѣйшая держава, въ предѣлахъ этого материка, на трети его не насчитаетъ и половины такого числа подданныхъ.

Колонизаторы съ Запада подѣлили, хоть и не безъ зависти и не безъ вражды, лучшія приморскія области иноплеменной суши. Такіе города съ міровымъ торговымъ значеніемъ, какъ создавшійся на голомъ скалистомъ островѣ Гонконгъ или «Львиный городъ» (Сингапуръ), краснорѣчивѣе всего служатъ доказательствами европейской неутомимой предпріимчивости въ противоположность азіатской спячкѣ. Но питаясь соками самаго гигантскаго материка и держа, когда можно, въ экономическомъ рабствѣ сотни милліоновъ многострадальныхъ двуногихъ существъ, уповаютъ-ли піонеры цивилизаціи на будущій успѣхъ? Лѣпясь по уступамъ и краямъ обрыва, развѣ не пребываютъ они въ вѣчной тревогѣ, что камни зашевелятся и бездны не избѣжать?! Когда весь Востокъ рано или поздно проснется, разбуженный безпокойными элементами попирающей его бѣлой рассы,—когда онъ, подобно Ильѣ Муромцу, почувствуетъ въ себѣ силу великую и захочетъ сказать «свое слово»,—тутъ одними

угрозами, грубымъ насиліемъ и случайнымъ поверхностнымъ разгромомъ внутренняго разлада не утишить. Вотъ почему Россіи выпала на долю благая часть незримо крѣпнуть среди сѣверныхъ и степныхъ пустырей въ ожиданіи спора двухъ міровъ, гдѣ не имъ обоимъ будетъ принадлежать рѣшеніе.

Вторженіе въ чужой замысловатый строй, эксплоатація Азіи во славу жалкихъ эгоистическихъ предубѣжденій современнаго soit-disant образованнаго человѣчества намъ претила. Мы слишкомъ двѣсти лѣтъ оставались дома,—ибо нельзя называть естественное сліяніе съ Туркестаномъ и Пріамурьемъ политическими захватами,—мы оставались дома съ традиціонною безпечностью и могучей лѣнью, пока Тихій океанъ становился ареной западно-европейскаго натиска на туземцевъ со старинымъ государственнымъ устройствомъ и несомнѣнною культурой.

Результаты налицо. Пришельцы по мѣрѣ возможности обидѣли и развѣнчали Востокъ. Куда они приходятъ для житья и наживы, —это имъ не родина, какою напр. русскому быстро дѣлается любая окраина,—это имъ не братья по Божескому и людскому закону: это для нихъ—страна добровольнаго тоскливаго изгнанія, а народъ—скоты. Послѣдніе мало-по-малу реализируютъ въ сознаніи значеніе такого возмутительнаго взгляда и платятъ «учителямъ» сугубою непріязнью: гдѣ и какъ однако искать защиты, оплота противъ иноземца-врага?

Народное миѳологизирующее творчество не дремлетъ. Чѣмъ бодрѣе на Азію наступаетъ Европа, тѣмъ свѣтлѣе тамъ озаряется въ устахъ молвы и преданія Бѣлый Царь. Откуда зародилась идея объ Его существѣ, чѣмъ уяснить обаяніе одного уже имени?

Въ глубинѣ нашего средневѣковаго прошедшаго навѣрно таится причина вѣщаго явленія... Когда изъ праха и бѣды, послѣ тяготѣйшаго униженія и потоковъ крови христіанская Русь начала складываться въ стройное цѣлое загадочно-привлекательною амальгамою Ирана и Турана,—ея лучшіе Князья, ея богоугоднѣйшіе Святители заставили себя уважать восточнымп государямп,—нравственными качествами поразили побѣдителя-монгола наравнѣ съ инородцемъ Поволжья, принимавшимъ нашу рѣчь и бытъ. Въ ту пору наихудшихъ испытаній,—при владычествѣ Чингисханидовъ, которымъ Индія и Тибетъ, Индо-Китай и Небесная имперія, Самаркандъ, Афга-

нистанъ и Персія были одинаково, хотя и временно подчинены,—«великіе печальники и молитвенники за землю русскую» духовно завоевали намъ симпатіи азіатскихъ народовъ. Что разъ упало на такую воспріимчивую почву какъ фантазія и чувство восточнаго человѣка,—никогда не забывается, но даетъ ростки и плоды. Мы сильны тамъ, на безконечныхъ рубежахъ своихъ, не только былою и настоящею казацкой удалью, не только условною подготовленностью вести (отъ чего Боже упаси!) войну, — а главнымъ образомъ и почти, можно сказать, исключительно: доброю вѣстью, облетѣвшею и облетающею азіатскій материкъ, о праведной жизни и дѣлахъ представителей давно угасшаго поколѣнья.

Вотъ сколь далеко проникаютъ лучи отъ могилы тѣхъ, кто широко понималъ и горячо любилъ свое отечество: иныя звѣзды померкли, но ихъ прежній свѣтъ идетъ и разгорается по безбрежью вселенной!

IX.

Въ Англіи укоренилось ни на чемъ не основанное убѣжденіе, будто русскихъ сознательно притягиваютъ Индъ и Гангъ, будто казачки убаюкиваютъ дѣтей пѣвучими сказками объ Агрѣ и Декканѣ. То, что въ насъ вызываетъ улыбку, представляется реальною угрозою Альбіону и отчасти служитъ въ нашу пользу: конечно, намъ не нужна симпатичная пестротканная Индія съ ея конгломератомъ племенъ и вѣрованій,—но намъ въ помощь возникла идея-миѳъ о вѣчно возможномъ наступленіи за Гиндукушъ неотразимаго Сѣвера. Какъ искусно и прозорливо ни пытаются доказывать дипломаты и стратеги изъ-за Ламанша, насколько подобное движеніе неосуществимо,—исторія гласитъ противное: «бѣлый» пришлый элементъ самъ убѣжденъ въ неминуемости такого похода, въ концѣ концевъ на ту-же тэму любитъ ткать узорчатую повѣсть тысячеустая базарная молва. Тѣмъ хуже для имѣющихъ причину опасаться!

Совершенно иначе обстоитъ дѣло по отношенію къ Китаю и китайцамъ. Этотъ великій по труду и терпѣнію народъ,—создавшій государственно мудраго Конфуція и пересозданный послѣднимъ, давшій въ области глубокихъ умозрѣній мыслителя вродѣ Лао-цзы, доведшій до высшей степени высоты и простоты

культъ монарха и культъ безсмертія достойныхъ передъ отечествомъ предковъ,—нашъ лучшій по уживчивости и удобнѣйшій по консервативнымъ качествамъ сосѣдъ. Первобытный характеръ сношеній съ нимъ и взглядовъ на него до того очевиденъ, что мы, заставляющіе себя болѣе или менѣе опредѣленно говорить о своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ къ тѣмъ или инымъ державамъ, въ сущности теряемся, когда рѣчь заходитъ о Китаѣ. Повидимому, непроницаемое четырехсотмилліонное цѣлое заразъ кажется намъ живой угрозою будущаго и въ тоже время какою-то безусловною quantité négligeable. Каждый русскій еще недавно апріорно соглашался съ мнѣніемъ Пржевальскаго, что достаточно горсти *) нашего войска для покоренія всей имперіи богдыхана, но параллельно страшитъ самая мысль глубже врѣзаться въ тину жизненнаго строя желтой рассы, гдѣ сравнительную молодость и энергію, идеалы и творчество Россіи, быть можетъ, ждетъ медленная смерть....

Еще зловѣщѣе однако представляется гипотеза о скоромъ хотя-бы и чисто внѣшнемъ воцареніи западныхъ началъ надъ доисторическимъ по складу Китаемъ. Одинъ фактъ признанія имъ права за иноземцами («заморскими чертями») проникать къ сердцу страны, хозяйничать (при лучшихъ намѣреніяхъ!) во внутреннихъ непомѣрно богатыхъ областяхъ ея, будить и подымать на безпощаднѣйшую struggle for life (по новѣйшимъ научнымъ даннымъ) столь долго каменѣвшія среди естественныхъ сокровищъ своей родины несмѣтныя общинныя единицы гигантскаго спящаго государства, — одинъ только этотъ фактъ долженъ быть чреватѣе послѣдствіями, чѣмъ десятикратный добродушный погромъ китайцевъ нашимъ оружіемъ, чѣмъ даже небрежное управленіе ими съ нашей стороны. Если европейцы (я особенно имѣю въ виду англичанъ) твердо установятъ свою власть надъ политически дряхлымъ, экономически юнымъ царствомъ богдыхановъ, — они легко способны пересоздать его во «вторую» гораздо болѣе пригодную къ эксплуатаціи неистощимую по рессурсамъ Индію.

Желтолицему туземцу, по характеру презирающему узы земной жизни, нѣтъ причинъ не сдѣлаться такимъ же полезнымъ для колонизаторовъ солдатомъ, слѣпымъ исполнителемъ ихъ хо-

*) Такъ, пожалуй, и было до японо-китайской войны.

лодной воли, какимъ служатъ самоотверженные и преданные полковому знамени сипаи. То, чѣмъ на бѣду соотечественникамъ въ южной Азіи сталъ послушный военнымъ инструкторамъ «black man»,—не менѣе скоро будетъ и «yellow man». *Наша главная задача на «желтомъ» Востокѣ преимущественно должна заключаться въ огражденіи себя отъ подобныхъ случайностей, дабы не лить потомъ напрасно драгоцѣнной русской крови и не тратить огромныхъ денегъ въ борьбѣ съ надвинувшимися напастями, которыя всегда нужно предвидѣть и предотвращать.* *)

Для того чтобы сознательнѣе дѣйствовать въ восточно-азіатскихъ предѣлахъ, слѣдуетъ уяснить себѣ наше историческое и, смѣло скажу, «предвѣчное» положеніе на граняхъ противоположнѣйшихъ культуръ. Западъ насъ умственно дисциплинируетъ, но въ общемъ лишь тускло отражается на нашей жизненной поверхности. Все подъ нею и въ нѣдрахъ народнаго быта проникнуто и дышетъ глубоко восточными умозрѣніями и вѣрованіями, овѣяно жаждою высшихъ формъ бытія и широкими человѣчными стремленіями совершенно инаго вида чѣмъ въ корнѣ убиваемое матеріализмомъ міросозерцаніе современныхъ европейцевъ средняго уровня. Азія безчисленное число разъ затопляла Русь своими ордами, крушила своимъ натискомъ, претворяла въ нѣчто однородное съ Персіей и Туркестаномъ, съ Индіей и Китаемъ. Мы до сихъ поръ не имѣемъ, да и не можемъ найдти за Каспіемъ, Алтаемъ и Байкаломъ ясно очерченнаго рубежа, естественно точной демаркаціонной линіи, за которой бы кончалось собственно «наше». Оттѣнки перехода, особенно отъ русскихъ владѣній къ китайскимъ, столь неуловимы, что и выразить нельзя. У насъ напр. въ центральныхъ областяхъ (среди Войска Донскаго и Уральскаго) есть казаки-буддисты, единоплеменные давнимъ кочевымъ данникамъ Пекина. На рѣкѣ Манычѣ встрѣчаешь ламъ въ одинаковомъ облаченіи съ принятымъ на крутизнахъ Тибета. Сѣверно-буддійскія духовныя лица свободно переѣзжаютъ отъ Калькутты до Сибири и даже до нашей столицы. Грандіозная панорама, представляемая природою нашихъ старинныхъ восточныхъ окраинъ, совершенно соотвѣтствуетъ той, среди коей

---

*) Напечатано (увы, тщетно!) еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

складывались характеры недостаточно истолкованнаго историками *«забайкальца»* Чингисъ-хана, выдающихся созерцателей и аскетовъ монгольской крови, но съ чисто индійскимъ міровоззрѣніемъ, наконецъ также олицетворявшихъ собою «русско-инородческую удаль и мощь» казаковъ-завоевателей Востока. Кто видѣлъ и знаетъ тамошнюю угрюмо-величественную пустыню, сторожащую нѣдра земли съ непочатыми безмѣрными богатствами,—долженъ понять съ одного взгляда, какимъ образомъ духъ человѣческій тутъ вѣчно искалъ или крайняго самоуглубленія, или богатырскаго порыва развернуться въ ширь, сдвинуть съ пути непреодолимѣйшія преграды, успокоиться лишь при достиженіи невозможнаго, удовлетвориться лишь при осуществленіи неисполнимаго... Въ насъ воплощенъ и боевой и мирный отпоръ христіанскаго Запада хаотическимъ азіатскимъ мірамъ съ несомнѣннымъ культурнымъ прошлымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одряхлѣніемъ отъ недостатка внутренней творческой работы, обусловить которую можетъ исключительно «дѣятельная» вѣра. На примѣрѣ Россіи восточные народы научатся понимать и цѣнить такую «вѣру», дающую сердцамъ умиротвореніе (не меньше чѣмъ даетъ усыпляющій мятежную волю буддизмъ) и жизнерадостный возрождающій человѣка разсвѣтъ, —чего нѣтъ или, точнѣе, что слишкомъ затаенно въ скорбномъ культѣ «царевича-мудреца» Будды, въ узкомъ раціонализмѣ Конфуція, въ сухомъ отраженіи монотеистическихъ истинъ ислама. Вотъ разгадка нашего по масштабу единственнаго въ исторіи успѣха покорять себѣ царство за царствомъ не только открытой враждой и военною доблестью, но и тайными силами пріязненныхъ чувствъ, неискоренимой потребностью находить въ каждомъ разумномъ существѣ любой религіи, любой рассы равноправнаго передъ Богомъ и Царемъ «меньшаго товарища и брата».

Переходная ступень между нами и китайцами—монголы убѣжденно и безповоротно усвоили этотъ взглядъ на Россію и ея Верховнаго Вождя, являющагося для нихъ воплощеніемъ милосердой Цаганъ-Дара-эхэ (одной изъ лучезарныхъ манифестацій самого Будды). Тибетцы, поддерживающіе весьма тѣсную связь съ нашими бурятами, мало-по-малу глубоко проникаются тождественными мыслями. Остальные подданные богдыхана—инертная пока масса, дорожащая прежде всего своимъ спокой-

ствіемъ, своими закрытыми отъ хищничества сбереженіями, своимъ полемъ и огородомъ, подъ которыми истлѣли кости отцевъ и дѣдовъ.

Ей нужны правители, собою утверждающіе и оправдывающіе законъ,— ей желателенъ такой порядокъ вещей, гдѣ бы ремесленникъ и пахарь мирно предавались традиціоннымъ занятіямъ, не терпя отъ тягостей ратнаго строя. Можетъ-ли искусственное пробужденіе Небесной имперіи, ввергая ее въ страшнѣйшій водоворотъ міровыхъ событій, даровать ея сынамъ подобные идиллическіе идеалы? Не внесетъ-ли разнуздывающая людей западная культура холодъ жестокаго разлада и муки въ душу автохтона-китайца, благополучно не знавшаго въ теченіе тысячелѣтій, каковъ такъ-называемый матеріальный прогрессъ?

Разъ европейцы сами внесли и вносятъ разладъ въ жизнь политически существующихъ государствъ Азіи, о нихъ немыслимо безпристрастно судить съ чисто западной прогрессивной точки зрѣнія. И въ прежнія времена Небесная имперія дивила иноземцевъ съ побережій Индійскаго океана, но какъ трезвые и отнюдь не заносчивые наблюдатели они не осуждали чужаго строя за несходство съ ихъ собственнымъ. Если мнѣ не измѣняетъ память, у Френа въ предисловіи къ «Ibn Fozlan's Bericht» встрѣчается достойное глубокаго вниманія древне-арабское изреченіе: «ищите знанія даже въ Китаѣ». Такъ рѣшался вслухъ думать «правовѣрный» (первоначальной экзальтированной эпохи Корана) о царствѣ ненавистнѣйшихъ языческихъ вѣрованій. Много-ли найдется даже широко образованныхъ лицъ въ наши дни, способныхъ стать на высоту столь простой истины? Народъ богдыхановъ считается какимъ-то страннымъ и апріорно достойнымъ осужденія паріемъ среди прочаго человѣчества....

Близость Небесной имперіи дала много выгодъ англичанамъ, однако способна стать и роковою. Китайцы Гонконга—народъ далеко неподатливый желаніямъ колоніальнаго начальства. Въ составъ туземнаго элемента въ значительной степени входятъ бродяги и преступники, находящіе для себя удобнымъ временно укрываться отъ преслѣдованія, на родной почвѣ, подъ сѣнь либеральнаго чужаго законодательства. Когда угрожаетъ опасность быть всетаки розысканнымъ и выданнымъ, иной изъ нихъ не-

медленно совершаетъ какой-нибудь легкій проступокъ и попадаетъ на короткій срокъ въ англійскую тюрьму, гдѣ его никакой погонѣ не настичь.

Непріязнь между китайцами, подстрекаемыми самими властями сосѣдняго Кантона, и «бѣлымъ» элементомъ колоніи прежде неоднократно выражалась въ крайне рѣзкой формѣ.

Немудрено, если туземный элементъ платилъ ненавистнымъ пришельцамъ одинаковою монетой и въ одно прекрасное утро, напр., булочники начинили имъ хлѣбъ мышьякомъ. Кантонцы (народъ) безпрестанно съ угрозою отзывали своихъ изъ «чужаго» города, подсылали въ него поджигателей и грабителей, дерзко нападали на иностранцевъ даже на рейдѣ, искусно подкапывались подъ «индійскій банкъ» и т. д. Къ счастью, явилась мысль вызвать на помощь администраціи нѣсколько сотъ бодрыхъ и преданныхъ пэнджабцевъ, завести такъ-называемыя «police boats» для преслѣдованія злоумышленниковъ и контрабандистовъ на водѣ. Власти Небесной имперіи въ свою очередь стараются усиливать надзоръ надъ послѣдними: но что значитъ бдительность немногихъ единицъ при упорствѣ многихъ тысячъ противниковъ?

Англійскій Сингапуръ по настоящему—не европейскій городъ, а передовой постъ быстро надвинувшейся Восточной Азіи, которая, въ короткій срокъ, мирнымъ путемъ шагнула въ предѣлы колоніи «бѣлыхъ» и твердо въ ней обосновалась. Вытѣснить отсюда соотечественниковъ богдыхана въ данную минуту стало совершенно немыслимо: они постепенно прибираютъ торговлю и ремесла въ свою власть, становятся необходимы, способны—когда угодно—образовать государство въ государствѣ: между ними, смотря по мѣсту рожденія каждаго (по провинціямъ Небесной имперіи, которыя по колоссальности и разнородности довольно чужды другъ другу), возникаютъ цѣлыя твердо организованныя общества, гдѣ таинственная связь отдѣльныхъ человѣческихъ единицъ, въ смыслѣ сплоченности противъ внѣшняго міра, не оставляетъ желать ничего лучшаго для борьбы съ препятствіями и для матеріальнаго успѣха. Иные нищіе, при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, безъ особаго труда богатѣютъ и стремятся назадъ въ родной Китай.

Страшная сила подобныхъ союзовъ была-бы угрозою кореннымъ жителямъ и колонизаторамъ, не враждуй эти гигант-

скія братства между собою: у нихъ, говорятъ, даже есть свои наемные бойцы, всегда готовые къ столкновеніямъ съ соперниками. Конечно, когда-нибудь инстинкты рассы возьмутъ верхъ надъ причинами раздора и тогда еще вопросъ, какъ будутъ укрощать эту работящую, но непріязненно настроенную чужую чернь: развѣ вооружать мѣстныхъ малайцевъ?!...

Среди сингапурскихъ китайцевъ многіе ухитряются добыть большой капиталъ и достигнуть извѣстнаго положенія. Въ законодательномъ совѣтѣ колоніи засѣдаетъ ихъ представитель. Вчера еще перекатная голь, сегодня богачи, они поселяются въ красивыхъ виллахъ съ причудливыми садами, выѣзжаютъ на прогулку въ элегантныхъ экипажахъ, курятъ только дорогія сигары и т. д. Въ первой половинѣ вѣка особеннымъ значеніемъ пользовался въ этой средѣ милліонеръ Вампоа, изъ крайней бѣдности самоучкой дошедшій до образованія и развитія на европейскій ладъ. О немъ—какъ интересномъ типѣ—отзываются Гончаровъ, адмиралъ Бутаковъ и другіе русскіе, заглядывавшіе въ ту пору въ Сингапуръ: этотъ даровитый и предпріимчивый человѣкъ собирался побывать въ Кяхтѣ, въ Иркутскѣ, въ Москвѣ. Не знаю, удалось-ли ему туда направиться. Во всякомъ случаѣ одно уже подобное желаніе характерно для человѣка, обязаннаго своимъ благополучіемъ англійской колоніальной политикѣ!

X.

Неисчислимое какъ песокъ морской населеніе Небесной имперіи въ культурно-историческомъ отношеніи представляетъ собою величайшую загадку. Это — въ полномъ смыслѣ слова «народъ-сфинксъ», ярко отразившій и до сихъ поръ невозмутимо отражающій всѣми формами своего бытія государственную жизнь древнѣйшаго Египта, ассиро-вавилонской цивилизаціи, вообще типичнѣйшихъ монархій восточнаго міра. Что̀ «Сыну Неба» такъ-называемый «западный» въ корнѣ анархическій прогрессъ, когда передъ его духовнымъ окомъ вѣчно встаютъ величественно-мудрые образы преемственно съ нимъ связанныхъ, архаически настроенныхъ правителей-самодержцевъ, у которыхъ идеи о народномъ благѣ тѣсно обусловлены были возможностью ихъ осуществлять и всему, нуждающемуся въ

помощи, ее оказывать? Какой смыслъ для богдыхановъ имѣетъ или имѣла бы погоня за современностью и популярностью (въ широкомъ смыслѣ слова), какъ ее понимаютъ и какъ ея жадно доискиваются руководящія западно-европейскія сферы? Цари Китая искони стояли такъ близко къ толпѣ и заразъ такъ недосягаемо высоко надъ нею, что однородность положенія создалась и донынѣ сохранилась лишь въ Россіи. Благодаря выгодному географическому положенію, Небесной имперіи до извѣстной степени легко далось первенство въ предѣлахъ омываемой Тихимъ океаномъ Азіи и (на порогѣ именно XIX-го столѣтія) она стала засыпать сномъ миролюбиваго застоя: «желтый человѣкъ», на материкѣ, по природѣ не любитъ кровавой борьбы и кипучаго напряженія; отвращеніе къ войнѣ въ немъ существуетъ инстинктивно и, конечно, развилось (въ связи съ нѣкотораго рода пренебреженіемъ къ военному дѣлу) подъ вліяніемъ сознанія какъ безпомощны противъ него даже самые мужественные и безпокойные его сосѣди. Народъ-гигантъ или искоренялъ ихъ въ качествѣ «мятежниковъ», или еще чаще нравственно ассимилировалъ. Когда пришлось познать новыхъ и на этотъ разъ крайне опасныхъ враговъ (европейцевъ), дряблое состояніе воли и чувствъ у самодовольнаго китайскаго правительства помѣшало ему уяснить себѣ правду относительно собственной отсталости. Оно продолжало и продолжаетъ смотрѣть на себя какъ на центръ земли, неподготовленное понести кару за столь трогательное самоослѣпленье.

Врядъ-ли о какой-нибудь странѣ возникали болѣе двойственныя мнѣнія чѣмъ о Китаѣ. Весь его національный складъ представляетъ для Европы живѣйшій интересъ,—особенно если принять въ разсчетъ, что на громадномъ пространствѣ Небесной имперіи гнѣздится почти треть рода человѣческаго съ отпечаткомъ крайней оригинальности: ни одинъ историкъ и моралистъ не долженъ бы игнорировать судьбу столь безчисленнаго населенія, давнымъ-давно уже выработавшаго себѣ многія условія культурной жизни, — населенія, въ характерѣ коего, вдобавокъ, уживаются самыя разительныя противорѣчія: блестящія достоинства наряду съ самыми отвратительными недостатками....

Нѣмецкіе философы, съ легкой руки Гегеля, вообще презирали Небесную имперію, считая ее прототипомъ неподвиж-

ности. Въ лицѣ Китая, по ихъ взгляду, монгольская расса достигла высшаго возможнаго для нея уровня развитія и дальше, по самой природѣ своей, шагнуть будто-бы не можетъ, пребывая изсохшею вѣтвью на зеленѣющемъ древѣ исторіи.

Откуда создалось такое отрицательное воззрѣніе? Неужели только изъ того, что туземцы здѣсь не способны были вродѣ едва-ли искреннихъ и сознательныхъ современныхъ японцевъ сразу придти въ неописанный восторгъ отъ просвѣщеннаго состоянія Европы и Америки?

Подобно эллинамъ, для которыхъ почти все чужеземное долго было варварскимъ, китайцы какъ масса относятся къ Западу съ полнымъ пренебреженіемъ и считаютъ строй своего быта, результаты своей многовѣковой цивилизаціи за образецъ для всего міра. «Государство середины» именуютъ они свою родину.

Такое-же, впрочемъ, названіе давали своей землѣ древніе индусы и иранцы.

Въ правѣ-ли мы, держась аналогично узкой точки зрѣнія, признавать лишь свою «новѣйшую» культуру единственно здравой и плодотворной? Кажется, на это не можетъ быть двухъ отвѣтовъ.

Гердеръ смотрѣлъ на Небесную имперію какъ на набальзамированную мумію, изукрашенную письменами и укутанную въ шелкъ. Другіе мыслители видѣли въ этомъ громадномъ государствѣ лишь сонъ и оцѣпенѣніе, сравнивали его съ болотомъ, предсказывали Китаю скорое разложеніе и гибель. «Надобно удивляться»—восклицаетъ въ одномъ сочиненіи покойный маститый оріенталистъ В. П. Васильевъ: «какъ народы Дальняго Востока, перебирающіе въ теченіе тысячелѣтій все одно и то же, не умерли отъ монотонности!» Но коснѣли-ли они дѣйствительно въ непонятномъ застоѣ или жили богатою внутреннею жизнью, ни въ чемъ не уступающею европейской? Защитникомъ Небесной имперіи выступилъ въ нашъ вѣкъ итальянскій писатель Феррари. Въ изданномъ имъ трудѣ «La Chine et l'Europe» онъ старается доказать, будто эволюція ея шла параллельно съ западной, испытывала одинаковые перевороты въ области духа. «Философы тамъ учили приблизительно во времена Пиѳагора; завоеватели прославлялись при Александрѣ Македонскомъ и римлянахъ; варвары нападали тогда же, когда ими громилась

кесарская цивилизація; императорская власть облекалась саномъ первосвященниковъ при папѣ Григоріи Великомъ; китайская ученость процвѣтала въ эпоху Абеляра и Ѳомы Аквината; театральное искусство достигло извѣстной степени совершенства, когда въ Италіи создалась Божественная комедія; лучшіе поэты Небесной имперіи, ея вѣкъ возрожденія и изученія своей древности близки къ временамъ Петрарки и Бокаччіо, соотвѣтствуютъ пробужденію классическаго міра. Вестфальскій договоръ, французская революція имѣютъ аналогичные примѣры въ исторіи Китая. Въ продолженіе первыхъ двухъ третей своего фактическаго существованія онъ цѣлымъ поколѣніемъ опережаетъ Европу. Въ средневѣковой періодъ и тамъ, и тутъ знаменательнѣйшіе годы совпадаютъ съ такою изумительною точностью, что это граничитъ съ чудомъ. Съ 1400 г. Китай отстаетъ, быть можетъ, лѣтъ на тридцать». Иными словами, между отдаленнѣйшими другъ отъ друга странами какъ-бы есть таинственная связь, въ нѣдрахъ человѣчества какъ-бы производится однородная по напряженію психическая работа. Поэтому поспѣшный выводъ, будто родина Конфуція населена (по опредѣленію Токвиля) слабоумно-варварскимъ народомъ, совершенно несправедливъ, также какъ и самодовольное убѣжденіе въ нашемъ несомнѣнномъ всестороннемъ превосходствѣ надъ нимъ. Китайцы и жили и живутъ весьма нормально,—руководствуясь твердыми, стародавными принципами, которые одухотворяютъ весь ихъ государственный организмъ: никакихъ признаковъ упадка, дряхлости не замѣчается. Соприкоснувшись съ Западомъ, Китай сначала пришелъ въ смущеніе при видѣ его матеріальнаго могущества, но такъ какъ и самъ онъ издавна устремлялъ свои взоры едва-ли не исключительно на все земное, заботится особенно о благоденствіи въ «этой» жизни, воспитываетъ многіе милліоны позитивистовъ, держится строго-утилитарнаго взгляда на вещи, — то сыны Небесной имперіи, не умаляя и не превознося достоинствъ чужой культуры, постепенно стали усваивать ее, насколько она способна разнообразить удобства ихъ существованія и примѣнима къ естественнымъ условіямъ края. Частности западнаго быта для китайцевъ безразличны: они слишкомъ гордятся своей цивилизаціей, чтобы безъ разбора, слѣпо хвататься за все иноземное, но въ тоже время и слишкомъ практичны, чтобы

не заимствовать оттуда все пригоднѣйшее. Первое, что они съ успѣхомъ сдѣлали для реакціи, это—слѣдующее: стали необходимыми пришельцамъ, съумѣли связать ихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ по рукамъ и ногамъ. Ни одинъ дѣятель съ Запада не въ силахъ обойдтись безъ помощи и посредства туземцевъ, значитъ и не бываетъ de facto полнымъ хозяиномъ какого бы то ни было предпріятія. Они являются на мѣстѣ лучшими поварами, составляютъ весь штатъ домашней прислуги, становятся искусными ремесленниками на западный ладъ, выдѣляются какъ музыканты, фотографы и т. п. Образцовая гостиница на островѣ Гонконгѣ содержится китайцами. Розничною торговлей европейскими и американскими товарами завладѣли коренные жители. Стоитъ пойдти по улицамъ благоустроенныхъ приморскихъ городовъ въ западной части Тихаго океана, и видишь, что магазины съ привозными вещами принадлежатъ туземцамъ. Въ Шанхаѣ, говорятъ, сходнѣе можно купить кусокъ манчестерской матеріи у китайца чѣмъ у англичанина.

Не имѣя себѣ соперниковъ въ области коммерческой сообразительности, мѣстные купцы понемногу вытѣсняютъ иностранцевъ со своей территоріи и едва-ли очень далеко то время, когда весь импортъ и даже экспортъ перейдетъ къ китайцамъ. Уже въ 1881 г. корабль «Мѣй-фу» отвезъ въ Англію грузъ чая (32,500 ящиковъ) и соломенныхъ издѣлій. Если сынамъ Небесной имперіи не чужда мысль самимъ доставлять на европейскіе рынки произведенія своей родины, то вскорѣ они сами будутъ закупать на чужбинѣ, что̀ нужно. Для этого найдутся и энергія, и сноровка, и капиталы. До 1873 г. туземцы не владѣли ни однимъ пароходомъ, а теперь распоряжаются десятками, почти совершенно устранили иностранцевъ отъ перевозки грузовъ между портами Китая, стремясь отъ себя поддерживать товаро-пассажирское сообщеніе съ Европой и Соединенными Штатами. Дабы не быть въ зависимости отъ заморскихъ державъ, подданные богдыхана осторожно заводятъ у себя заводы, фабрики, — зная, что родина изобилуетъ шелкомъ, хлопкомъ, шерстью, желѣзомъ, каменнымъ углемъ. Вскорѣ западной промышленности придется сократить свои операціи и уступить значительную долю получаемыхъ выгодъ китайцамъ, которые примѣрно трудолюбивы, легко всему учатся и дѣлаются мастерами всякаго дѣла.

Еще на рынкахъ цесарскаго Рима древне-китайское желѣзо признавалось наилучшимъ. Нѣтъ причинъ, почему-бы при развитіи металлургіи на Дальнемъ Востокѣ оно опять не получило большаго значенія. Вѣдь не нормаленъ же и не вѣченъ ежегодный и притомъ быстро возростающій ввозъ туда на милліоны рублей иностраннаго желѣза и стали? Вѣдь придетъ же день, когда Америка, Англія, Швеція и Германія въ этомъ отношеніи станутъ не нужны развѣдавшему свои неистощимыя нѣдра Китаю?

Телеграфъ заводится по инціативѣ правительства. Въ принципѣ оно рѣшило обзавестись и рельсовыми путями, но медлило, не располагая достаточнымъ количествомъ собственныхъ инженеровъ и не желая отдавать эксплоатацію желѣзныхъ дорогъ пришельцамъ. Черезъ 10—15 лѣтъ первое затрудненіе неминуемо упразднится. Много туземныхъ юношей старательно знакомится съ реальными знаніями. Умственныя силы страны крѣпнутъ и растутъ съ каждымъ годомъ. Избытокъ ихъ невольно подталкиваетъ къ колонизаціи. Она направляется и въ Центральную, и въ Южную Америку, и на острова Тихаго океана, и въ Сингапуръ, и въ Уссурійскій край. Конфуціанскій принципъ глубокаго уваженія къ наукѣ, привычка народа трудиться надъ усвоеніемъ премудрости, не стѣсняясь числомъ лѣтъ, служитъ отчасти ручательствомъ, что въ восточной Азіи со временемъ можетъ народиться просвѣщеннѣйшая нація.

Для пронизирующаго европейца китайская жизнь извнѣ можетъ представляться каррикатурной, китайцевъ можно съ пренебреженіемъ называть «фанатиками порядка» и видѣть въ нихъ чуть-ли не подобіе маленькихъ бездѣлушекъ изъ слоновой кости туземнаго производства,—но, съ критической точки зрѣнія, такое высокомѣріе не оправдывается и когда-нибудь жестоко отомститъ опрометчивымъ отрицателямъ чужой духовной мощи.

Небесную имперію съ политической точки зрѣнія пока считали неподвижной и неспособной на активное наступленіе даже въ экономически ей важные раіоны. Но подобный взглядъ едва-ли не страдаетъ узостью. Потенціально страна богдыхана—нѣчто до того громадное и могущественное, что нельзя даже предвидѣть, во что она разовьется черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Если Японія съумѣла быстро шаг-

нуть впередъ по пути матеріальныхъ реформъ и техническихъ усовершенствованій,—нѣтъ причинъ отвергать возможности одинаковаго пробужденія, но въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ со стороны Китая. Его населеніе не менѣе даровито и, вообще говоря, не менѣе склонно къ образованію, чѣмъ ближайшіе сосѣди-островитяне, сознательно рѣшившіеся наконецъ поучиться у Запада. Какой бы толчекъ извнѣ, какія бы внутреннія неурядицы не вывели «Срединное царство» изъ такъ-называемаго застоя,—вполнѣ разумнаго и нормальнаго для государства, которое прожило немало вѣковъ,—новая міровая жизнь, безъ сомнѣнія, втянетъ его въ свой стремительный водоворотъ, искусственно расшевелитъ и раздразнитъ по природѣ добродушнаго великана,—въ результатѣ чего этотъ въ данное время сильно обездоленный народъ, справедливо гордящійся многочисленными благами своей стародавней культуры, и самъ захочетъ относительной власти, славы и богатствъ, успѣха и значенія въ сонмѣ другихъ націй, преобладанія на Тихомъ океанѣ. Европа морщится при одной мысли о такихъ дерзкихъ замыслахъ со стороны «желтой рассы», но послѣдняя незримо крѣпнетъ и думаетъ смутную думу: какъ отвратить, во-первыхъ, опасность захвата китайскихъ побережій «заморскими чертями» (Россія для гражданъ Небесной имперіи — своя близкая, родная, не хищница вродѣ остальныхъ, вдающихся въ колоніальную политику державъ), а во-вторыхъ, чѣмъ обезпечить въ будущемъ столѣтіи отъ голодной смерти избытокъ своего многострадальнаго рабочаго люда. Въ XX вѣкѣ для прокормленія его понадобятся, во что бы то ни стало, въ качествѣ естественныхъ колоній: Аннамъ, Кохинхина и Комбоджа, Сіамъ и Бирма, обширныя малайскія страны, Формоза, Филиппинскіе острова, Борнео, Суматра и Ява. Подъ чьею бы державою ни былъ Китай,—у него со временемъ неминуемо образуется нешуточный военный флотъ, и тогда борьба за существованіе вступитъ съ безпощадной послѣдовательностью въ свои права.

XI.

Въ виду поражающей вѣротерпимости китайскаго правительства и вообще всего народа, иные поверхностные наблюдатели склонны предполагать, будто туземцы равнодушно от-

носятся къ религіи и въ сущности никакимъ культомъ не дорожатъ. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Главную роль въ жизни каждаго отдѣльнаго лица и среди общественнаго строя искони играло почитаніе усопшихъ родителей и предковъ. Никакія философскія разрушительныя теоріи не въ силахъ были поколебать его или разрушить характеръ связанной съ нимъ обрядности. Покидая бренную тѣлесную оболочку, человѣкъ,—по мнѣнію китайцевъ,—продолжалъ жить по прежнему, обычными радостями и горестями, нуждался въ любви и заботѣ ближнихъ, томился одиночествомъ. Неудовлетворенно скорбное состояніе духа отошедшихъ въ загробный міръ неблагопріятно отражалось на быту живущихъ, повергало послѣднихъ въ тревогу. Поэтому надо было угождать покойникамъ, заручаться ихъ расположеніемъ, поклоняться имъ. Сначала почитаніе совершалось на могилахъ, но потомъ обстоятельства заставили устроить для этого культа домашнія кумирни и помѣстить тамъ въ особыхъ шкафахъ таблички съ именами незабвенныхъ и дорогихъ усопшихъ. Ежедневно глава семьи отправлялся туда на поклонъ, возжигалъ куренья, приносилъ, когда слѣдовало, жертвы, сообщалъ незримымъ хранителямъ своего очага обо всѣхъ мелочахъ, касающихся семейнаго благополучія и т. д. Для полноты связи съ невидимымъ міромъ, живущіе прибѣгали къ гаданіямъ, медіумизму и прочему. Воля предковъ руководила дѣйствіями благоговѣвшаго потомства, которое само по себѣ и не хотѣло, и не рѣшалось жить безъ сознанія, чему учитъ прошлое. Оно же давало только хорошіе совѣты, облагороживало перечисленіемъ яркихъ примѣровъ добродѣтели, грозило суровою карою за уклоненіе отъ завѣтной старины. Культъ усопшихъ родственниковъ тѣмъ успѣшнѣе могъ процвѣтать въ Китаѣ, что нигдѣ отцы и матери такъ не уважались дѣтьми, какъ здѣсь. Молодое поколѣніе положительно выростаетъ съ мыслью о томъ почтеніи, которое надо оказывать старшимъ; стараясь съ дѣтства пріучить всѣхъ къ исполненію того, что въ принципѣ признано должнымъ, тамъ не смотрятъ снисходительно на капризы, своенравность, упрямство, непослушаніе, эгоизмъ и фальшивость, но искореняютъ (пока не поздно) или заглушаютъ дурныя качества; направлять желаніе малолѣтнихъ на то или другое помощью лакомствъ или невиннаго будто-бы обмана считается непозволительнымъ. Родители требуютъ не

теоретическаго только знанія этики, но и постояннаго практическаго ея примѣненія. При этомъ они обходятся безъ наказаній, съ пеленокъ внушая дѣтямъ послушаніе и умѣніе ограничивать себя. Близкія по крови семьи сплочены бываютъ въ цѣлое и ради общей пользы устраиваютъ собранія, гдѣ молодежь читаетъ вслухъ полезныя книги, а затѣмъ каждый изъ присутствующихъ приглашается къ чистосердечному признанію, нѣтъ-ли у него какихъ-нибудь житейскихъ затрудненій, долговъ, недоимокъ, тяжбъ; всякое дѣло сообща обсуждается, каждому положенію пріискивается исходъ, въ случаѣ возможности бѣдѣ помогаютъ сборомъ денегъ для родича. Такой порядокъ вещей во-первыхъ препятствуетъ размноженію нищихъ (ихъ мало въ Китаѣ и стать настоящимъ пролетаріемъ трудно, если человѣкъ окончательно не оттолкнулъ отъ себя кровныхъ близкихъ), а во-вторыхъ удерживаетъ нерѣдко отъ преступленій.

Женщина поставлена высоко какъ мать и жена, но семейный бытъ огражденъ отъ посторонняго вліянія и соблазновъ. Браки заключаются по усмотрѣнію родителей и совѣщанію съ предками: романы внѣ этого не санкціонируются обычаями, и тѣмъ не менѣе молодые нерѣдко находятъ счастье. Нашъ извѣстный синологъ Георгіевскій приравнивалъ подобныя явленія къ супружеству нашего духовенства, по видимому не имѣющаго данныхъ непремѣнно найдти въ случайныхъ невѣстахъ истинное благополучіе и взаимное пониманіе, но обыкновенно находящаго и то, и другое. Апріорныя чувства до совмѣстнаго житья слишкомъ мало говорятъ въ пользу будущаго: лишь время можетъ скрѣплять отношенія и развивать сознательную любовь.

Отъ простолюдина до монарха, всѣ проникнуты стремленіемъ памятовать дѣянія предковъ и служить имъ, ежеминутно ощущая свою зависимость отъ духовъ. Въ древности жертвенные предметы не покупались, но приготовлялись самими чествующими усопшихъ. Впослѣдствіе это стало неисполнимымъ, но выдающіяся въ имперіи лица доселѣ въ видѣ обряда придерживаются сѣдой старины. Каждогодно богдыханъ лично пашетъ землю въ столицѣ, важнѣйшіе чиновники—въ провинціи, а царица кормитъ шелковичныхъ червей. Въ Европѣ думаютъ, будто такимъ путемъ власти желаютъ пріохотить населеніе къ работѣ. Это не вполнѣ справедливо; императоръ и императрица

дѣйствительно показываютъ примѣръ, но не трудолюбія самого по себѣ, а сыновняго почтенія, которое требуется культомъ предковъ и результатомъ котораго является трудолюбіе.

Утрированная забота о благоденствіи существъ въ загробномъ мірѣ, конечно, иногда граничитъ съ областью комическаго. Положимъ, умираетъ мальчикъ—нельзя его оставить навсегда холостымъ, онъ соскучился бы: родители пріискиваютъ имя дѣвочки, день рожденія и смерти которой соотвѣтствуетъ дню рожденія и смерти ихъ сына. Устраивается такъ-сказать посмертный бракъ. Въ назначенное время куклу, изображающую жениха, несутъ въ домъ фиктивной невѣсты, откуда эта кукла возвращается уже въ сопровожденіи другой, изображающей просватанную дѣвочку, и съ ея кумиренной табличкой. Свадьба празднуется, какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ два человѣка соединились тѣсными узами, и затѣмъ табличка новобрачной помѣщается въ храмѣ жениховыхъ предковъ. Дѣти при жизни родителей дарятъ имъ прочные гробы въ знакъ любви и преданности и т. д.

Всюду сыны Небесной имперіи склонны замѣчать присутствіе и воздѣйствіе духовъ. Объ успокоеніи многихъ изъ нихъ пекутся потомки и для этого стараются, чтобы родъ не угасалъ, — но затѣмъ еще остается несмѣтное количество давно забытыхъ, безсемейно скончавшихся, казненныхъ людей. Изъ опасенія, какъ-бы они не вздумали насылать несчастіе, весь Китай разъ въ годъ чествуетъ ихъ. Въ даръ душамъ обездоленныхъ сожигаются бумажныя одѣянія, золотыя и серебряныя бумажки, изображающія деньги. Вечеромъ по рѣкамъ ѣздятъ лодки, съ которыхъ такіе же воспламенные предметы бросаются въ воду, а также овощи и рисъ: въ жертву утопленникамъ. Дабы они, блуждая во тьмѣ, легче находили приношенія, на волны спускаются тысячи лампадокъ, помѣщенныхъ въ глиняные горшечки. При этомъ далеко кругомъ въ ночной тишинѣ раздаются заунывные звуки тамтамовъ и молитвенное пѣніе объ усопшихъ...

Крайне распространено мнѣніе, будто подданные Сыны Неба—изверги въ полномъ смыслѣ слова, бросающіе новорожденныхъ на произволъ судьбы, чуть-ли не на съѣденіе собакамъ. Между тѣмъ, нигдѣ нѣтъ такого чадолюбія (притомъ на религіозной основѣ) какъ въ Небесной имперіи. Противорѣчіе объясняется

тѣмъ, что нищій людъ дѣйствительно иногда не имѣетъ возможности прокормить свое крошечное потомство и охотно отдаетъ въ чужія руки или несетъ въ мѣстные воспитательные дома грудныхъ дѣвочекъ, не составляющихъ предмета гордости отца и матери (мальчиковъ цѣнятъ за даръ небесъ). Если провести точную цыфровую параллель между случаями родительскаго жестокосердія на Западѣ и въ царствѣ конфуціанскихъ принциповъ, то сравненіе будетъ далеко не въ пользу цивилизованныхъ націй. Смутно зная это съ одной стороны, а кромѣ того видя на каждомъ шагу бездушный эгоизмъ «бѣлой рассы» изъ-за моря, дерзающей проповѣдывать «желтолицымъ дикарямъ»,—въ лицѣ немногихъ избранниковъ,— Предвѣчныя начала любви, пока соотечественники жерлами пушекъ и безжалостными контрибуціями, алчною грубостью и насиліемъ дискредитируютъ истины наивысшей этики въ глазахъ негодующаго Дальняго Востока,—неудивительно отчужденіе его народныхъ массъ отъ искренно пламенѣющихъ ревностью «ангеловъ свѣта и милосердія», приходящихъ сюда помогать страждущимъ, спасать гибнущихъ и врачевать зло. «Отчего вы не изберете себѣ подобной дѣятельности дома, гдѣ у васъ не мало соціальнаго неустроя»?—испытующе говорятъ китайцы-патріоты...

Нѣкоторая замкнутость и таинственность, которыми привыкли окружать себя инокини,—значительная смертность среди призрѣваемыхъ крошекъ, зачастую попадающихъ въ пріютъ при полномъ изнуреніи отъ голода и недуга,—распускаемые врагами порядка слухи, будто тамъ ихъ убиваютъ съ цѣлью колдовства, для приготовленій снадобій, въ составъ коихъ должны входить куски дѣтскаго тѣла,—все вмѣстѣ взятое вредитъ миссіямъ самоотверженныхъ европейскихъ женщинъ. Недоступна пониманію китайцевъ скорбная фигура отрекшейся отъ родины и соблазновъ міра подвижницы-христіанки, съ молитвами наклоняющейся въ ночи надъ колыбелью чужого болящаго ребенка!

XII.

Не китайцы нуждаются въ заморскихъ пришельцахъ, а послѣдніе — въ естественныхъ богатствахъ Небесной имперіи. Мѣстнымъ жителямъ нѣтъ повода дорожить авантюристами,

признающими главнымъ образомъ одну угрозу и насиліе. Имъ же положительно не мѣшаетъ иногда напоминать, что они — на чужой землѣ, а между тѣмъ хозяйничаютъ куда безцеремоннѣе, чѣмъ имъ позволительно было бы даже дома.

Почипъ непосредственнымъ сношеніямъ сравнительно далекаго Запада съ «желтымъ» Востокомъ положенъ богатыми сирійскими купцами. Возникшія вслѣдъ затѣмъ средневѣковыя арабскія факторіи въ Кантонѣ, вѣроятно, походили во многихъ отношеніяхъ на тѣ, что въ немъ были гораздо позднѣе заведены европейцами. Пришельцы добились тутъ одинаковыхъ правъ экстерриторіальности и при случаѣ дерзко вступали въ борьбу съ туземцами: напр. въ 758 г. мореплаватели съ береговъ Персидскаго залива преспокойно подожгли дружелюбно съ ними торговавшій Кантонъ и бѣжали на быстроходныхъ судахъ. Потерпѣвшіе горожане тогда еще могли уразумѣть истину классическаго: timeo Danaos. Подобныя дикія столкновенія навѣрно повторялись и потомъ; но наиболѣе, должно быть, насолили населенію Гуанъ-дуна представители германской рассы: иначе нельзя объяснить, почему слово «красноволосый дьяволъ» стало излюбленнымъ опредѣленіемъ иностранца. Сначала сюда явились брюнеты-португальцы,—молодцы, тоже не стѣснявшіеся ни передъ чѣмъ. Однако не имъ досталась пальма первенства,—однако не они ухитрились произвести наихудшее впечатлѣніе на вовсе не чувствительнаго и не избалованнаго судьбой китайца-простолюдина! Развѣ это не характерно? Стоитъ припомнить, что въ 1816 г. англійскій фрегатъ «Alceste» былъ встрѣченъ у «Тигровой пасти», при входѣ въ Жемчужную рѣку, салютомъ (такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряли потомъ мандарины!) и отвѣчалъ на него ядрами.

Теперь, благодаря пушкамъ и штыкамъ, кантонскій европеецъ владѣетъ особымъ комфортабельнымъ кварталомъ на р. Чжу-цзянѣ: тѣмъ не менѣе причиной послѣдняго возбужденія мѣстной толпы нѣсколько лѣтъ тому назадъ послужилъ выстрѣлъ изъ револьвера, сдѣланный однимъ пьянымъ англичаниномъ на улицѣ города и ранившій ребенка. Идея культурнаго превосходства, по видимому, весьма странно понимается и примѣняется на дѣлѣ современными цивилизованными народами...

На Западѣ мало кто знаетъ (хотя слѣдовало бы знать ради принциповъ высшей справедливости!), какъ Индія платитъ

англійскому правительству даже за то, что и косвенно не связано съ ея насущными интересами: напримѣръ, 60—70,000 рублей въ годъ на персидскую дипломатическую миссію, а кромѣ того значительно больше 100,000 рублей на тотъ-же предметъ и на свои консульства въ Китаѣ. Если въ предѣлахъ собственной имперіи колонизирующіе Азію британцы рѣшаются отбирать деньги у безропотныхъ тощихъ индусовъ для содержанія своихъ чиновниковъ на берегахъ Тихаго океана,— то еще меньше можетъ быть стѣсненія съ китайцами какъ объектами эксплоатаціи. На какомъ основаніи ожидать и требовать со стороны подданныхъ богдыхана пріязни и довѣрія по отношенію къ давнему, сурово настроенному врагу?

Когда кантонскія власти, повинуясь необходимости исполнить волю сильнѣйшаго, уступили англичанамъ Гонконгъ, — богдыханъ гнѣвался и не хотѣлъ признавать договора. Съ тѣхъ поръ безпомощность центральнаго правительства въ гигантской странѣ еще замѣтнѣе обнаружилась,—что видно изъ всякаго столкновенія или просто-напросто спора съ державами. Западная Европа пробила страшнѣйшую брешь въ идеально разсматриваемой Великой стѣнѣ: кто и что спасетъ Китай какъ цѣлое отъ распаденія и чужаго ига? Мнѣ думается: только Россія!

Востокъ вообще проникнутъ и живетъ поражающими и смущающими западный умъ предчувствіями, такъ-сказать «вѣщими» идеями. Я помню напр. разсказъ нашего маститаго поэта А. Н. Майкова о томъ, какъ онъ допрашивалъ европейски образованнаго киргизскаго султана Валиханова,—имя котораго хорошо извѣстно слѣдящимъ за новой жизнью въ нашей Азіи, — что̀ у него за философія исторіи. Сынъ Турана лишь на минуту задумался и съ одушевленіемъ изрекъ: «Всемогущій Богъ даровалъ міровое владычество моему предку Чингисъ-хану: за грѣхи оно отнято у его потомства и передано Бѣлому Царю. Вотъ вамъ моя философія исторіи!»

Въ составъ іероглифа «Hwang-ti» (Хуанъ-ди, верховный государь), т. е. въ исконный титулъ богдыхановъ, входитъ понятіе «бѣлый князь, Цаганъ-ханъ, Бѣлый Царь»! Англійскіе ученые объясняютъ это позднѣйшимъ искаженіемъ слова, первоначально означавшаго «тотъ, кто умѣетъ управлять самимъ собою». Но не все-ли равно, разъ что въ данное время смыслъ столь краснорѣчивъ?

Синологи съ широкимъ кругозоромъ, вродѣ безвременно скончавшагося даровитѣйшаго С. М. Георгіевскаго, съ весьма небольшимъ, увы! успѣхомъ разъясняли до послѣдняго времени своей немногочисленной аудиторіи, почему Россіи необходимо разносторонне изучать Китай.

Озабоченное сбытомъ шелка на Западъ населеніе сѣверныхъ областей Небесной имперіи въ началѣ нашей эры хоть и смутно, но представляло себѣ пути туда,—особенно по-суху: къ Аму-Дарьѣ, въ землю пареянъ при династіи Арсакидовъ, на Мервъ (по-китайски Мулу) и т. д. до Чермнаго моря и Антіохіи Сирійской. Востокъ въ ту отдаленную пору вовсе не дробился на ненавистныя другъ другу политическія единицы. Напротивъ, человѣчество тогда еще не додумалось до утонченно-безпощадныхъ принциповъ возводимаго нынѣ въ культъ націоналистическаго эгоизма и гораздо радушнѣе относилось повсюду (несмотря на исторически слагавшуюся замкнутость многихъ жизненныхъ формъ) къ притокамъ свѣжаго воздуха извнѣ, съ инокровно-иновѣрной и странной по духу чужбины. Кто скажетъ, сколько творческихъ идей приносили съ дороги домой китайскіе богомольцы-купцы, ѣздившіе до нашей эры на Гангъ, или христіанскіе монахи изъ Ирана, познакомившіе Византію съ культурой шелковичнаго червя?

Нѣтъ государства въ мірѣ, гдѣ бы знаніе такъ высоко и свято цѣнилось какъ въ Китаѣ. Достаточно вспомнить, что Конфуцій постепенно возводился въ царскій санъ, что ему за проникновеніе родною наукой строились храмы, что получаемыми за умственный трудъ дипломами земляковъ гордятся цѣлые округа, не говоря уже о выроствшихъ счастливца городахъ или весяхъ. Наиболѣе «преуспѣвшимъ» иногда возводятся арки...

Уваженіе къ литературѣ и къ письменности вообще необыкновенно развито. Лица, съумѣвшія съ толкомъ вчитаться въ творенія истинныхъ мудрецовъ, мало-по-малу достигаютъ рѣдкаго почета. Каждый испещренный іероглифами лоскутокъ чтится китайцами. Въ Кантонѣ и въ Шанхаѣ (вѣроятно, и въ другихъ мѣстахъ) существуютъ общества, нанимающія рабочихъ ходить по улицамъ и отыскивать брошенныя бумажки, на которыхъ есть буквы, съ цѣлью предавать ихъ сожженію: изъ опасенія чтобы кто-нибудь не вздумалъ осквернить недо-

стойнымъ употребленіемъ такую «святыню», какъ письмена,— да еще письмена, изобрѣтенныя выдающимися наставниками-руководителями китайскаго народа! Иные радѣтели не довольствуются и этимъ, — но глубоко зарываютъ пепелъ въ глиняныхъ горшечкахъ или опускаютъ ихъ въ рѣку. Конечно, при соприкосновеніи съ европейцами, подобный почти суевѣрный страхъ исчезаетъ, но явленіе настолько само по себѣ симпатично, что объ этомъ пока приходится только жалѣть. По словамъ одного туриста, ѣздившаго по имперіи, онъ какъ-то, сидя у дороги, читалъ англійскій романъ. Два туземныхъ «ученыхъ» подошли и безцеремонно просунули головы между лицемъ читавшаго и книгою, долго всматривались въ текстъ (кругомъ же тѣмъ временемъ столпились зрители!) и наконецъ съ комическимъ изумленіемъ заявили: «мы не можемъ распознать ни одной буквы»,—на что находчивый путешественникъ спокойно имъ замѣтилъ по-китайски: «значитъ, ваше знаніе весьма ограниченно!» Общій хохотъ присутствующихъ тотчасъ пристыдилъ простодушныхъ литераторовъ.

Китаецъ готовъ учиться съ неимовѣрнымъ усердіемъ до какого-угодно возраста, преодолѣвая самыя тяжкія преграды. Каждому гражданину (кромѣ актеровъ, тюремщиковъ и палачей съ ихъ ближайшимъ потомствомъ) открыты государственныя должности соотвѣтственно выдержанному экзамену. Уваженіе народа и властей къ выказывающимъ особое прилежаніе и разумѣніе прочитаннаго распространяется не только на этихъ избранниковъ, но и на ихъ родителей, которые воспитали столь пригодныхъ отечеству сыновъ. По даннымъ оффиціальной «Пекинской газеты» въ 1889 г. на осеннія письменныя состязанія въ Фу-чжоу явилось 9 кандидатовъ старше 80 лѣтъ и два старше девятидесяти, причемъ работы имъ удались и почеркъ отличался твердостью: а мы еще на школьной скамьѣ дивимся мужеству Катона-старика, взявшагося изучать греческій языкъ! Бываютъ будто-бы случаи, когда на одно и тоже испытаніе записываются дѣдъ и внукъ. Множество бѣдняковъ трудится, подготовляясь къ этому буквально на мѣдный грошъ: по преданію, какой-то впослѣдствіи прославившійся «ученый», не имѣя средствъ покупать себѣ освѣщеніе для ночныхъ занятій передъ экзаменомъ, ловилъ въ мѣшечекъ свѣтляковъ и озарялъ ими свои завѣтныя книги: вѣдь одно сознательное

ознакомленіе съ тысячами іероглифовъ требуетъ многихъ годовъ жизни!

Запрещеніе конкуррировать на полученіе высшихъ гражданскихъ правъ относится въ Китаѣ лишь къ инородческому населенію: въ составъ таковаго включается напр. рѣчной людъ съ Жемчужной рѣки (Танка), происходящій отъ загнанныхъ когда-то китайцами на лодки туземцевъ. И то уже крошечный процентъ (не болѣе 500 человѣкъ) ежегодно выдерживающихъ съ успѣхомъ сложное послѣднее состязаніе въ Пекинѣ не въ мѣру превышаетъ количество людей, требуемыхъ для замѣщенія чиновничьихъ вакансій! Параллельно же ростетъ раздраженіе въ средѣ голодающихъ литераторовъ. Китайская администрація состоитъ въ сущности изъ неимовѣрно малаго числа должностныхъ лицъ со сколько-нибудь значущимъ рангомъ: таковыхъ наберется на всю колоссальную имперію лишь около девяти тысячъ! У кантонскаго генералъ-губернатора, повелѣвающаго обширнѣйшимъ населеніемъ, ихъ всего—430. На каждый постъ ждетъ очереди минимумъ десятокъ алчущихъ его занять и невыносимо безпокоящихъ начальство провинціи...

За границей сложилось убѣжденіе, что скудно оплачиваемые казной, но нуждающіеся въ цѣломъ штатѣ челяди мандарины—величайшіе грабители и деспоты. До извѣстной степени это весьма вѣроятно. Однако не мѣшаетъ взвѣсить и явленія обратнаго порядка.

Гдѣ кромѣ Китая, въ какомъ другомъ государствѣ граничитъ съ областью чего-то уже прямо мистическаго отвѣтственность главныхъ правителей передъ нравственнымъ закономъ и обычаемъ? Временно назначаемый представитель власти до такой степени считается тождественнымъ со ввѣреннымъ ему населеніемъ, что терпитъ подчасъ тяжкое наказаніе за преступленія, совершаемыя во ввѣренномъ ему раіонѣ, вообще сплошь и рядомъ штрафуется за чужія погрѣшности: онъ виновенъ передъ богдыханомъ даже за наводненія и засуху, голодъ, пожары и бѣдствія стихійнаго характера. За побои, нанесенные матери, одного китайца высочайше повелѣно было убить, домъ,—гдѣ случилось происшествіе, — разрушить, деревню признать зачумленной, чиновниковъ округа разжаловать, мѣстныхъ студентовъ болѣе не допускать до экзамена. Усердные сановники сами молятъ «Сына Неба» не прощать имъ ошибокъ и проступковъ.

Если дѣятель на этомъ трудномъ тернистомъ поприщѣ еще вдобавокъ отличается безукоризненностью поведенія, нельзя выразить народной любви къ нему и безпредѣльной благодарности. При прощаніи съ доблестнымъ начальникомъ (администраторовъ довольно часто мѣняютъ!) ему дарятъ многоцвѣтное почетное одѣяніе и шелковые зонты, толпы народа и вереница паланкиновъ провожаютъ отъѣзжающаго, на пути разставлены столы съ явствами и дымящимися куреніями. Дорога украшается арками съ надписями: «отцу и другу», «яркой звѣздѣ области» и т. п. Обувь подобнаго лица, угоднаго согражданамъ, принято хранить послѣ него какъ драгоцѣнность.

Безпощадно суроваго вице-короля Yeh, увезеннаго англичанами въ плѣнъ, кантонцы мертваго встрѣтили съ торжественной скорбью и воздвигли ему кумирню.

XIII.

Западъ неосторожно потѣснилъ Небесную имперію. Тучи сгущаются на Дальнемъ Востокѣ, — писалъ я въ «Спб. Вѣд.» еще въ ноябрѣ 1897 г., когда Германія захватила Цзяо-чжоу. Новые аргонавты,—но не въ героическомъ, а отрицательномъ смыслѣ этого слова,—идутъ за «золотымъ руномъ» въ предѣлы беззащитнѣйшей на свѣтѣ имперіи, тревожатъ миролюбивѣйшаго колосса—Китай.

«Съ точки зрѣнія европейскихъ интересовъ, политическаго равновѣсія, взаимоотношенія могущественныхъ державъ и т. п. не все-ли намъ равно, кто что дѣлаетъ тамъ на неизмѣримо обширныхъ западныхъ побережьяхъ Тихаго океана, гдѣ всѣмъ найдется много мѣста для колонизаціонной дѣятельности, для культурной борьбы?

«Такъ не могутъ не думать лица, случайно знакомыя съ ходомъ восточныхъ дѣлъ,—такъ не можетъ, однако и не должно относиться къ вопросу русское мыслящее общество, носящее въ сердцѣ своемъ идеальное сознаніе нашего мірового значенія, какъ величайшей державы. Раньше чѣмъ выяснить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, что мы понимаемъ подъ нашими прямыми задачами нынѣ на китайскомъ Востокѣ и какихъ осложненій надъ нимъ съ полнымъ основаніемъ опасаемся, —

интересно вкратцѣ прослѣдить, чѣмъ фактически вызваны настоящія строки, какія послѣдствія невольно угрожаютъ «мирному преуспѣянію и естественному постепенному развитію» желтой рассы въ нѣкоторыхъ пунктахъ азіатскаго материка...

По словамъ иностранныхъ не нѣмецкихъ газетъ, требованія Германіи объ удовлетвореніи, предъявленныя ею китайскому правительству, по поводу убійства двухъ германскихъ католическихъ миссіонеровъ въ провинціи Шань-дунъ, произвели сильное впечатлѣніе въ Европѣ, такъ какъ значительно превышали всѣ имѣющіеся прецеденты.

«Но слѣдуетъ помнить (говорилъ тогда «Times»), что въ сношеніяхъ со странами Востока вообще полезно всегда обезпечивать за собою широкое поле для переговоровъ.

«Условія заключаютъ денежное вознагражденіе, постройку собора (по всей вѣроятности, какъ искупительнаго памятника, на счетъ китайскихъ властей), возмѣщеніе издержекъ по оккупаціи Цзяо-чжоу, разжалованіе губернатора провинціи и примѣрное наказаніе убійцъ, также какъ и мелкихъ чиновниковъ, участвовавшихъ (?) въ преступленіи, учрежденіе «желѣзнодорожной монополіи въ Шань-дунѣ и, наконецъ, удержаніе Германіей Цзяо-чжоу.

«Китай, *выразивъ желаніе дать удовлетвореніе за убійство миссіонеровъ, понятнымъ образомъ, отказался разсматривать эти требованія до тѣхъ поръ, пока Германія не согласится эвакуировать Цзяо-чжоу*». Надъ китайцами посмѣялись и забрали у нихъ бухту...

Что касается европейцевъ—соперниковъ, никто не помѣшалъ нѣмцамъ въ пусканіи глубокихъ корней на тучной нивѣ восточной Азіи. Японіи было только на руку, что до окончанія сибирской магистрали «кто-то» снова создавалъ затрудненія Россіи. Такой образъ дѣйствія особенно любопытенъ могъ быть именно намъ, для которыхъ въ немъ ясно сквозило краснорѣчивое продолженіе того вѣковѣчнаго спора, той никогда не прекращавшейся и по существу своему непримиримой борьбы, которую искони ведутъ другъ съ другомъ относительно смиренный и лишь въ крайности доходящій до богатырскихъ проявленій несокрушимой мощи славяно-туранскій міръ и заносчивый при малѣйшемъ успѣхѣ германизмъ.

Послѣдній, при всей очевидной пользѣ его культурныхъ и цивизующихъ вліяній на насъ, въ общемъ всегда былъ страшнѣе и безпощаднѣе безформенно нагонявшей на Русь валъ за валомъ, сродной намъ по духу и крови, религіозно и монархически настроенной Азіи.....

Вотъ почему мы его инстинктивно силились и силимся обезвредить, остановить въ его границахъ или даже погромить. Вотъ почему намъ такъ съ дѣтства дороги всякія описанія тѣхъ, увы! крайне рѣдкихъ средневѣковыхъ битвъ, гдѣ соединенными или полуразрозненными усиліями русскихъ, поляковъ и литовцевъ уже о ту пору германизму наносился тяжкій ударъ.

Теперь эти времена для нашей Имперіи прошли, злобу дня составляетъ столкновеніе главнымъ образомъ экономическихъ интересовъ,—но принципъ остался тотъ же: надъ зарубежнымъ славянствомъ, «вѣроломные тевтоны» чинятъ по-прежнему обиду и насиліе. Своего рода отголоскомъ и отраженіемъ этой предосудительной политики являлось на мой взглядъ занятіе нѣмцами злополучнаго Цзяо-чжоу,—какъ разъ въ моментъ, когда слабый и дряхлый Китай начиналъ открыто и сердечно сближаться съ Державнымъ Сѣверомъ, искалъ именно въ немъ нравственной поддержки и матеріальной опоры, справедливо будучи увѣренъ въ томъ, что мы-то его не потѣснимъ, что весь Востокъ только обновлялся, богатѣлъ и крѣпнулъ отъ общенія съ русскими началами, ибо онъ и мы—одна безбрежная стихія, одно гармоничное въ своихъ духовныхъ основахъ цѣлое, по которому живоносными токами мало-по-малу должна повсемѣстно взойти заря, возродившая при Ольгѣ и ея внукѣ—Красномъ Солнышкѣ Кіевскую Русь.

Дѣла въ Китаѣ принимаютъ все худшій оборотъ. Еще недавно г. Уилльямъ Стэдъ краснорѣчиво подымалъ въ своей «Review of Reviews» вопросъ о томъ, своевременно-ли прививать «ядъ милитаризма» относительно косному и питающему отвращеніе къ войнамъ Китаю. Вопросъ этотъ, конечно, умѣстнѣе всего было поднять въ Англіи, которая на призывъ къ осуществленію новыхъ и культурныхъ задачъ человѣчества,—исходившій передъ Гаагской конференціей изъ такихъ вознесенныхъ надъ суетою сферъ, гдѣ нѣтъ и тѣни корыстно-эгоистическихъ помышленій,—усиленно стала набирать и обучать

въ Вей-хай-веѣ туземныхъ солдатъ... Въ кого будутъ стрѣлять въ скоромъ времени эти желтолицые солдаты? Очевидно, не въ своихъ же соотечественниковъ,—когда кровавый пожаръ, подготовляемый Европой на Дальнемъ Востокѣ, страшнымъ заревомъ займется надъ безконечнымъ побережьемъ...

Политическаго центра Пекинъ почти не представляетъ болѣе собой. Съ той минуты, что его улицы уподобились городамъ Крита при оккупаціи ихъ десантами державъ, — говорить о возможности дальнѣйшаго значенія столь нѣкогда мудрой и славной маньчжурской династіи по меньшей мѣрѣ праздно.

«Бѣлые» пришлецы встали на грудь исполинскаго народа, исторгая у его обезсиленнаго правительства концессію за концессіей, территоріальную уступку за уступкой... Нѣтъ предѣла требованіямъ и соревнованію въ этой области съ одной стороны, нѣтъ—надо сознаться—предѣла и слабости съ другой... Но вотъ передъ изумленными взорами всматривающагося въ загадочный Востокъ цивилизованнаго міра подымается то «нѣчто», чѣмъ Западъ думаетъ покорить и обуздать «желтую» расу... Что же оно сулитъ народамъ и самой Небесной имперіи? Пріобщеніе ея къ нашему матеріальному прогрессу? Но она насъ тогда поборетъ этимъ же оружіемъ, опередитъ и приведетъ къ раззоренію... Руководительство при посредствѣ просвѣщенныхъ и любящихъ Китай иностранцевъ ближайшими судьбами его? Но вѣдь если подобные дѣятели искренно станутъ служить этой цѣли, они всѣми мѣрами должны ставить veto эксплуатаціи громаднаго, патріархальнаго по строю государства хищными соплеменниками изъ-за моря! Постепенное вооруженіе туземцевъ сначала другъ противъ друга въ цѣляхъ успѣшной колоніальной политики англичанъ и тѣхъ, кто имъ захочетъ подражать? Но вѣдь въ концѣ концевъ эти же наемники будутъ стрѣлять въ ненавистнаго имъ «бѣлаго» человѣка...

Открывать себѣ доступъ въ Небесную имперію тѣми пріемами, какъ практиковалось до сихъ поръ, значитъ идти къ постепенному сознанію роковыхъ и отчасти непоправимыхъ собственныхъ ошибокъ.

Если китайцу дадутъ возможность работать въ технически однородныхъ условіяхъ съ европейскимъ рабочимъ,—онъ, при своей сметливости, выдержанности, бережливости и довольствѣ

малѣйшими земными благами, явится опаснѣйшимъ конкуррентомъ того, кто и теперь со скрежетомъ зубовнымъ несетъ «бремя капитализма». Что станется тогда съ промышленной Европой? Почему же она-то именно и рукоплескала до сихъ поръ искусственному и чрезмѣрно быстрому пробужденію Китая? Если все, что есть наиболѣе алчнаго среди западныхъ элементовъ, устремится разрабатывать эту неоцѣнимую руду человѣческаго терпѣнія, усердія и трудолюбія, которою пока богата готовая ежечасно рухнуть Небесная имперія, развѣ на почвѣ пріуготовляемаго такими путями жесточайшаго соревнованія въ погонѣ за матеріальнымъ успѣхомъ не возникнетъ опасность величайшихъ политическихъ осложненій? Послѣдняя уже наступила. Ее теперь можно, пожалуй, только пріостановить, только кратковременно отсрочить...

Считаться съ нею всетаки необходимо. Западъ насиліями своими разбудилъ желтый Востокъ. Мы можемъ сокрушаться о гибели разныхъ миссіонеровъ и инженеровъ, мы можемъ негодовать на то, зачѣмъ пролилась и еще прольется кровь. Но наряду съ этимъ нельзя не сознавать и съ точки зрѣнія оскорбленной китайской массы, что такой безпримѣрно униженный народъ, у котораго въ мирное время признается возможнымъ брать портъ за портомъ, hinterland за hinterland'омъ и т. д., въ концѣ концевъ долженъ встрепенуться и всколыхнуться всею своею громадой. Общаго народнаго движенія, слава Богу, пока нѣтъ; но сочувствіе неисчислимаго населенія «Большому кулаку», молчаливое до нѣкоторой степени невмѣшательство въ смуту (своего рода потворство ей) самаго маньчжурскаго правительства,—все ясно говоритъ за то, что мы—наканунѣ большихъ катастрофъ. Каждый рѣзкій шагъ подъ Пекиномъ только можетъ ухудшить и безъ того отвратительное политическое положеніе... Намъ опасно выступать черезчуръ грозными и безпощадными усмирителями волненій, вызванныхъ другими націями. Послѣднимъ, конечно, удобно и желательно видѣть именно насъ въ этой крайне неблагодарной роли, чтобы надолго направить противъ Россіи ненависть тамошней черни. Но на руку-ли это намъ?

Сгустившійся на политическомъ горизонтѣ туманъ до того густъ, извѣстныя намъ детали событій до того скудны, неоп-

редѣленны и противорѣчивы, самая трагедія, наконецъ, разъигравшаяся на Востокѣ, до того ужасна, что говорить объ этомъ только ради того, чтобы что-нибудь сказать, въ интересахъ дѣла и праздно, и преждевременно. Случилось то, чего надо было ждать. Съ того злополучнаго дня, когда нѣмцы взяли,—подъ предлогомъ отмщенія за миссіонеровъ,—въ сущности довольно малоцѣнное Цзяо-чжоу, фактическая неприкосновенность Небесной имперіи стала болѣе чѣмъ сомнительной. Несчастное центральное правительство увидѣло себя поставленнымъ въ необходимость соглашаться на новыя территоріальныя уступки, идти на всякія униженія. Въ результатѣ, каша, которую заварилъ на китайскомъ побережьѣ германскій дипломатъ баронъ Гейкингъ, стоила уже нынѣ крови сотнямъ людей и потребуетъ, увы! дальнѣйшихъ жертвъ. Ничтожнаго по себѣ виновника крупныхъ бѣдъ въ моментъ расплаты за старые грѣхи въ Пекинѣ уже не оказалось: какъ тяжело однако знать, что въ опасности за чужія ошибки находится жизнь еще множества русскихъ!

Китайцы рѣшились грудью встрѣтить вторгающагося непріятеля, который по дисциплинѣ и оружію, будучи наконецъ ведомъ настоящими офицерами, конечно, гораздо сильнѣе защитниковъ страны. Пока даже предвидѣть нельзя фазисовъ борьбы, даже если обстоятельства благопріятно сложатся къ осени для экспедиціонныхъ отрядовъ: занять Пекинъ не значитъ покорить необъятный край, свергнуть или поддержать нынѣшнее правительство не значитъ подавить антиевропейскую агитацію, широкими кругами расходящуюся отъ своего мѣстозарожденія. Даже при рядѣ блестящихъ успѣховъ и побѣдъ на фонѣ по прежнему будетъ рисоваться неумолимый, неразрѣшимый вопросъ: что же впереди?

Мудрено-ли, если, чего добраго! воспламенятся цѣлыя гигантскія области (вѣдь волненіе проникло въ глухой Сэ-чуань?), если западный міръ очутится предъ задачей создать правительство для сотенъ милліоновъ по своему вполнѣ культурныхъ существъ, которыя иноземщины не хотятъ признавать руководящимъ началомъ? Не изъ синологовъ же наконецъ образовать синклитъ такихъ эфемерныхъ правителей, чтобы явилась хоть связь между пастырями и пасомыми?

Еще понятно одной державѣ, *одной волѣ* поручить дѣло усмиренія Китая, посредничества между нимъ и остальными заинтересованными государствами. Но какъ совмѣстить, напримѣръ, участіе Австро-Венгріи и Италіи,—простыхъ, такъ сказать, зрительницъ того, что для насъ полно такого значенія,—въ «концертѣ», гдѣ вся тяжесть конечной отвѣтственности ляжетъ на плечи сосѣдей имперіи богдыхановъ?

Теперь въ сосѣднемъ намъ государствѣ оплакивается погибшій Кеттелеръ. Но хорошо-ли всѣмъ понятны условія, при которыхъ это случилось? Убитый послѣднее время открыто проповѣдывалъ (будучи оффиціальнымъ лицемъ!) необходимость расчлененія Китая и какъ разъ въ тѣ дни, когда напряженіе въ столицѣ достигало высшей степени, безцѣльно бравировалъ толпу...

Поѣздки дипломатовъ въ цзунъ-ли-ямынь такъ или иначе связаны въ глазахъ китайцевъ съ представленіемъ о чемъ-то серіозномъ и важномъ съ международной точки зрѣнія. Туда принято отправляться въ паланкинахъ, съ извѣстной помпой. Чего ради покойный германскій посланникъ находилъ нужнымъ презрѣть обычай, въ которомъ ни для кого не было ничего предосудительнаго? Чернь напала не на министра дружественной державы, въ носилкахъ несомаго въ высшее государственное учрежденіе для необходимыхъ бесѣдъ, а на дерзкаго европейца, попирающаго туземныя понятія и взгляды, вздумавшаго устраивать прогулки въ ямынь верхомъ, когда городъ и безъ того былъ охваченъ волненіемъ... Своимъ безразсудствомъ несчастный Кеттелеръ погубилъ не только себя, но подвергъ смертельной опасности и остальныхъ членовъ пекинской иностранной колоніи и вызванную для охраны ея многочисленную военную стражу. Зачѣмъ было рисковать жизнью сотенъ людей, завлеченныхъ въ Пекинъ какъ въ мышеловку?

XIV.

Мы съ дѣтства привыкаемъ относиться къ Китаю и Японіи какъ къ чему-то тѣсно съ нами связанному и духовно гораздо болѣе близкому, чѣмъ надменная Западная Европа. Чувства къ нимъ, не будучи ничѣмъ особенно положительнымъ, то же время сами за себя говорятъ, какъ инстинктивное тяготѣніе въ сторону

прочной и обоюдно полезной пріязни съ дальнимъ Востокомъ. Вѣдь не можемъ же мы напр. забывать, что при возмущеніяхъ китайской черни противъ европейцевъ, русскихъ до послѣдняго времени, т. е. 90-хъ годовъ, сознательно щадили и отличали отъ «заморскихъ чертей»? Памятно,—надо надѣяться,—и японцамъ, чей Императорскій флотъ никогда не открывалъ огня противъ ихъ побережій и, находя недостойнымъ мстить за таинственныя мнимо-политическія убійства и покушенія изъ-за угла, свято хранилъ и хранитъ обычай дружить со «страной восходящаго солнца», гдѣ у насъ насчитывается столько продолжительныхъ якорныхъ стоянокъ и бѣлѣетъ не одна надгробная плита!

Иностранцы, свивая себѣ въ Японіи ненадежное гнѣздо, давно уже сѣютъ тамъ подозрѣніе и нелюбовь къ Россіи. Воспитанные на заграничный ладъ и въ чуждыхъ по культурѣ университетахъ туземные радикалы проникаются предубѣжденіями западнаго человѣка противъ «сѣвернаго колосса» и склонны поверхностно судить о насъ въ печати и литературѣ.

Разумнѣйшіе японцы сознаютъ однако, повидимому, опасность слишкомъ безусловнаго подчиненія иноземщинѣ съ отрицаніемъ вѣковыхъ завѣтовъ родной власти и религіи. Поворотъ въ національно-благомъ направленіи—вѣроятно, вопросъ недалекаго будущаго. Самобытность Азіи и 800—900 милліоновъ ея работящаго, мыслящаго, даровитаго населенія должна во имя справедливости и правильно опредѣляемаго прогресса сказаться съ удвоенною силою.

Высокая степень художественно-матеріальной, а въ иныхъ отношеніяхъ и соціальной культуры, достигнутая тамошними народами, служитъ однимъ изъ главныхъ ручательствъ тому, что это и возможно и желательно. Западъ великъ въ извѣстномъ раіонѣ дѣятельности, пока не направляетъ избытокъ энергіи на саморазрушеніе.

Перевоспитать Востока, до полнаго воплощенія въ себѣ христіанскихъ принциповъ, онъ не властенъ, — сломить же его упорную затаенную мощь изъ-за моря физически нельзя. Остается слѣдовательно примѣнить къ огромнѣйшему материку новую гуманную точку зрѣнія: искусственная прививка безпочвеннаго просвѣщенія Азіи не нужна, толчекъ же для свободнаго развитія опекаемыхъ побережій давно данъ и отнюдь не требуетъ повторенія.

Почему то, чѣмъ жилъ и мыслилъ встарь Посольскій Приказъ, не есть исторически-духовное достояніе нашей молодежи, посвящающей себя дипломатической карьерѣ?

Русскіе дѣятели позднѣйшаго московскаго періода (особенно послы къ восточнымъ дворамъ) относились къ Азіи безъ предразсудковъ и, созидая основы вліянія на инородцевъ, не допускали мысли о чьемъ-нибудь явномъ противодѣйствіи идеаламъ нашего государственнаго величія. Любаго длиннобородаго князя Тюфякина, педантично соблюдавшаго дома этикетъ и писавшаго верховному хозяину родной земли «холопъ твой Васька низко челомъ тебѣ бьетъ», — любаго такого «служилаго» человѣка aus einem Guss, чуть ли прямо отъ сохи изъ предѣловъ его дѣдовской вотчины, стоило послать за «Хвалынское» море «шахову величеству» «царскій поклонъ справить», — и снаряжаемый въ далекую опасную дорогу преображался: онъ, наперекоръ стихіямъ и разбойникамъ-туркменцамъ, долго носился на стругѣ съ горстью стрѣльцовъ, пока полумертвый достигалъ желаннаго чужаго берега; но, вступивъ разъ на него, имя царя своего подымалъ «честно и грозно»; пріученный къ раболѣпству въ Бѣлокаменной, здѣсь дорожилъ малѣйшими деталями почестей и пріема, независимо и горделиво обращался съ окружающими азіятами; представъ предъ суровыя очи могущественнаго повелителя Ирана, требовалъ — чтобы шахъ *не иначе какъ стоя* о государевомъ здоровьи спрашивалъ, и вообще никогда не терялъ самообладанія и твердости у подножія престола, откуда дерзкаго могли безъ колебанія отправить на казнь...

Въ ту пору Русская держава еще не обладала необъятнымъ престижемъ и реальными силами сокрушать враговъ, — въ ту пору Персія была чѣмъ-то довольно большимъ по сравненіи съ нами, да и лежала за тридевять земель отъ боровшейся съ Западомъ Москвы. Между тѣмъ, тогдашніе Тюфякины, въ ихъ горлатныхъ шапкахъ и кафтанахъ, олицетворяли собой настоящую, увѣренную въ славномъ будущемъ, Россію, и съ ихъ міровоззрѣніемъ мирился Востокъ, — а въ наши дни, когда Россія стала чѣмъ-то положительно неизмѣримымъ и непобѣдимымъ въ сферѣ Азіи, ни у кого другаго какъ только у насъ самихъ не роится раздумья, гдѣ и въ чемъ — историческое призваніе Русскаго народа. Единовременно съ веденіемъ

статейныхъ списковъ для Посольскаго Приказа, — мы видимъ просвѣщенныхъ европейцевъ, изъ-за наживы топчущихъ въ грязь національную гордость и честь предъ дворами восточныхъ владыкъ; видимъ англичанъ, позорно кланяющихся всякимъ моголамъ и султанамъ ради права учредить въ ихъ странѣ убогія торговыя факторіи, изъ которыхъ долженъ былъ вырости новый Карѳагенъ,—видимъ на Востокѣ на ряду съ мужественными русскими дипломатами допетровской эры западныхъ хищниковъ и авантюристовъ попирающими, къ презрѣнію туземцевъ, религію и совѣсть...

Въ результатѣ, *Азія страдаетъ, понявъ что между нею и Европой—глубочайшая бездна, тогда какъ между нашимъ полнымъ творчества хаосомъ и ею (этой Азіей) нѣтъ препонъ, ибо ея предопредѣленный покровитель и главарь — пестротканная Россія, а между тѣмъ, параллельно съ ростомъ и усиленіемъ Россіи мы — отъ прогрессирующей безличности и некультурности нашего живущаго миражами интеллигентнаго слоя—теряемъ политическое чутье въ восточныхъ дѣлахъ.*

Еще сравнительно недавно было иначе. Китайскій Востокъ примѣнялъ къ намъ другой масштабъ, чѣмъ къ пришлецамъ изъ-за моря.

Мало кто знаетъ у насъ въ Россіи о существованіи и происхожденіи пекинской духовной миссіи. Она возникла двѣсти лѣтъ назадъ ради ободренія плѣненныхъ маньчжурами албазинскихъ казаковъ, — тосковавшихъ по вѣрѣ и по утраченнымъ пустырямъ Амура, несмотря на всякія милости и щедроты со стороны богдыхана, зачислившаго даже удальцевъ въ свою гвардію. Въ ту пору въ Пекинѣ началось какое-то лютое повѣтріе. Проживавшій въ столицѣ при императорѣ тибетскій «святой» (Чжанчжа-хутухту) видѣлъ вѣщій сонъ: бѣлобородаго старца, подымавшагося изъ холма близъ албазинскаго лагеря. Мудрый лама истолковалъ видѣніе въ томъ смыслѣ, что это—Николай Чудотворецъ и ему безъ замедленія нужно соорудить въ Пекинѣ православный храмъ. Разрыли насыпь подлѣ казачьяго жилья, и дѣйствительно нашли святую икону съ ликомъ приснившагося хутухтѣ. Богдыханъ внялъ добрымъ совѣтамъ чтимаго имъ буддійскаго «святаго», отвелъ мѣсто для русской церкви, позволилъ плѣннымъ снестись съ отече-

ствомъ по вопросу о снаряженіи къ нимъ духовныхъ лицъ и тѣмъ самымъ установилъ совершенно исключительную дружественную связь между Китаемъ и Россіей. Пока другія націи посылали къ его побережьямъ игравшихъ въ политику миссіонеровъ-фанатиковъ, иногда пріобрѣтавшихъ огромное вліяніе при дворѣ или же изгонявшихся за оскорбленіе туземной святыни,—русскій «монашескій» караванъ изъ Забайкалья приходилъ въ столицу государства къ албазинцамъ какъ домой. Скромные иноки занимались китайскимъ языкомъ, обогащали цѣнными вкладами синологію, дѣлились знаніемъ съ посылаемыми къ нимъ черезъ Сибирь свѣтскими студентами, не выступали дипломатами-проповѣдниками, не отождествляли съ чисто-іезуитскимъ лукавствомъ языческихъ формъ культа съ христіанскими, не расширяли обманомъ или насиліемъ, т. е. вообще фиктивными способами своей маленькой паствы... Напротивъ, въ этомъ отношеніи наша прирожденная терпимость и летаргія простерлись даже до того, что колонія албазинцевъ путемъ браковъ съ окрестнымъ населеніемъ потеряла прежній обликъ, дѣдовскіе обычаи, а съ ними вмѣстѣ отчасти и религію. Между тѣмъ какъ изъ состава миссіи выходили ученые съ громкою міровою извѣстностью, какъ напр.: Іакинѳъ Бичуринъ, профессоръ Васильевъ и Палладій,—пекинскіе албазинцы окитаивались почти до неузнаваемости. Правительство богдыхана съ полною симпатіей глядѣло на чуждую политикѣ и фанатизму православную общину. Ни въ какихъ военныхъ демонстраціяхъ во имя защиты мнимо-христіанскихъ, по настоящему же прямо коммерческихъ интересовъ она никогда не участвовала. Ни одинъ нашъ іеромонахъ не пытался поколебать конфуціанскаго жизненнаго строя. Миссіи снаряжались въ Троицкосавскѣ и пускались въ путь черезъ Монголію на Ургу и Калганъ при помощи бурятскихъ ламъ, на инородческихъ верблюдахъ. Добродушные ламаиты столь сердечно сближались на каждомъ шагу съ пришлымъ «бѣлымъ» элементомъ, что нерѣдко роднились съ нимъ, жертвовали на православныя церкви, благоговѣйно стекались на православное богослуженіе, выдѣляли изъ своей среды вполнѣ естественно обрусѣлыхъ, принявшихъ православіе инородцевъ...

XV.

Философски-художественная исторія нашего движенія въ Азію до сихъ поръ не написана. Русскій народъ столь медленно приходитъ къ самосознанію, что почти никому еще не ясна картина нашего кореннаго единства и послѣдовательнаго сліянія съ Востокомъ. Земли за Ураломъ пытались даже именовать «колоніей». Связи ея съ такъ-называемой «метрополіей» иными признавались и чуть-ли не признаются одинаково искусственными какъ быстро порвавшіяся политическія узы между Испаніей и Америкой, между Англіей и молодыми заатлантическими Штатами. «Solche ungeheuere Reiche wie Russland können gar nicht bestehen» ex cathedra превозглашаютъ профессора въ Германіи. Знаменитое изреченіе Тютчева про свою родину:

Ее разсудкомъ не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить,
У ней—особенная стать,
Въ Россію можно только вѣрить —

отчасти служитъ выраженіемъ взглядовъ образованной толпы на совершенно ей непонятное развитіе маленькаго удѣльнаго княжества въ колоссальнѣйшую по пространству изъ когда-либо существовавшихъ имперій. Не пора-ли отдать себѣ отчетъ, почему это неизбѣжно случилось и отчего наше поступательное движеніе въ Азіи далеко нельзя считать завершеннымъ? Ключъ къ подобному истолкованію лежитъ въ характерѣ завоеванія и заселенія великорусскимъ племенемъ сроднаго ему Заволжья и Зауралья. Когда европейцы устремлялись искать приключеній и наживы за океанъ, пришельцевъ встрѣчали тамъ диковинныя для нихъ иновѣрно-иноязычныя рассы съ діаметрально противуположной цивилизаціей: такія начала естественно вступали тотчасъ же въ борьбу не на жизнь, а на смерть,—въ результатѣ чего получалась гибель слабѣйшихъ элементовъ. Между тѣмъ наши восточно-русскіе піонеры (полупромышленники, полуразбойники),—невольно расширяя черту окраинъ,—на каждомъ шагу открывали не новый и по временамъ безусловно враждебный міръ, но зачастую съ дѣтства знакомый по облику и рѣчи, по обычаямъ и повадкѣ добродушный инородческій людъ, съ которымъ вовсе не трудно было,—смотря по обстоятельствамъ,—сражаться или ладить, по мѣрѣ

похода вглубь азіатскаго материка. Для конквистадоровъ Кортеца и Пизарро всякій мексиканецъ и перуанецъ,—съ его невѣдомымъ прошедшимъ и чудовищными жертвоприношеніями,—казался исчадьемъ ада, обреченнымъ исчезнуть съ лица земли. Любому вологжанину или вятичу, шедшему въ числѣ вольницы на Востокъ, встрѣчное финско-тюркское «нечистое отродье» представлялось младшею братіею, напрасно изобидѣть которую и по совѣсти не слѣдовало, и ради собственной выгоды являлось опаснымъ: черезъ разныхъ зырянъ, чувашей, черемисовъ, башкиръ, мордву и татарву въ качествѣ опытныхъ хожалыхъ проводниковъ постепенно прокладывался нашимъ крестьянствомъ и казачествомъ торный путь въ необъятное сибирское приволье. Къ ихъ дорожному и сторожевому костру по ночамъ безъ робости и отчужденія приближалась (и въ тайгѣ, и въ степи) одинаково съ этими ватажниками одѣтая, мало чѣмъ отъ нихъ отличная фигура инородца. У общаго котла и ему очищалось мѣсто, при дружной незатѣйливой бесѣдѣ и его голосъ получалъ иногда рѣшающее значеніе, у случайной коновязи могъ отдохнуть до разсвѣта и его шибко запаренный конь.

Подобный modus vivendi былъ немыслимъ при взаимоотношеніи «бѣлыхъ колонизаторовъ» съ американскими мѣднокрасными автохтонами. Отдѣльные эпизоды кратковременно пріязненнаго характера слишкомъ ясно служатъ исключеніемъ изъ правилъ, чтобы на нихъ стоило останавливаться.

Русскому предпріимчивому человѣку въ XVI столѣтіи не встрѣчалось никакого инаго выхода какъ за Уралъ. «Басурманскій» Туранъ тѣснилъ мужика-порубежника съ юга. Лютые нравы дома нерѣдко дѣлали жизнь нестерпимой. По мѣткимъ словамъ народной пѣсни:

Въ Астрахани жить нельзя,
На Волгѣ жить—ворами слыть,
На Яикъ идти—переходъ великъ,
Въ Казань идти—Грозенъ царь стоитъ,
Грозенъ царь-государь Иванъ Васильевичъ.

Лѣсныя и рѣчныя дороги сквозь Пермь въ непочатый край манили тогдашняго переселенца точно встарь,—при первыхъ ужасахъ монгольскаго ига,—наши сѣверныя дебри, куда за изгнанникомъ-пахаремъ и упорнымъ насадителемъ обрусенья, трудолюбивымъ инокомъ, не дерзалъ проникнуть неутомимый татарскій вершникъ. Послѣдній въ данную пору замѣнялся

опричникомъ, олицетворялся въ Іоанновомъ гнѣвѣ и связанной съ нимъ жестокой опалѣ... А тамъ «за богатой Біармiей» классическихъ писателей разстилалась съ еще болѣе неистощимыми подспудными сокровищами многоводная приобская страна: съ безбрежнымъ кругозоромъ для звѣробоя и золотоискателя, съ цѣлыми мірами неизвѣданной шири вдоль Енисея и Лены, за Байкаломъ и по Амуру...

Горсти смѣльчаковъ въ самый непродолжительный срокъ перекинулись по нимъ до океана. Это могло совершиться только потому, что они тамъ не чувствовали себя на чужбинѣ, видѣли въ Сибири что-то совсѣмъ родное. Кажущееся намъ чрезвычайно грандіознымъ по масштабу нимало не смущало безхитростнаго воображенія Ермаковъ, Хабаровыхъ, Поярковыхъ и другихъ по своему великихъ людей, забытыхъ потомствомъ.

Не вспомнить при удачѣ о Москвѣ, не сознать органической связи съ нею даже разбойничьи атаманы сочли бы явнымъ грѣхомъ и непростительной измѣной. Долгъ любви къ отечеству требовалъ, — говоря былиннымъ языкомъ, — чтобы побѣдители послали туда соболиную казну и прочую рухлядь, чтобы руководитель движенія чистосердечно изрекъ батюшкѣ-царю:

Приношу тебѣ буйную я головушку
И съ буйной головой царство Сибирское.

Подобное настроеніе, искони присущее русскому народу, сохранилось до нашего вѣка. Императоръ Николай Павловичъ, узнавъ о пребываніи въ Персіи бѣглыхъ нижнихъ чиновъ, гдѣ имъ за выдающуюся храбрость и добрые совѣты въ ратномъ дѣлѣ противъ азіатовъ шахомъ жаловано было положеніе при дворѣ, званіе военачальниковъ-тѣлохранителей, наконецъ цѣлое состояніе при согласіи перейдти въ мусульманскую религію, высочайше командировалъ къ нимъ офицера съ Кавказа (изъ 44-го драгунскаго Нижегородскаго полка) съ цѣлью вразумить нарушившихъ присягу, пробудить въ нихъ раскаяніе и вернуть на родину. Посланный отправился, рискуя жизнью. Тѣ сначала, конечно, и слышать ни о чемъ не хотѣли,—но мало-по-малу смутились, порѣшили принести повинную, согласились отречься отъ кровью добытыхъ почестей и богатствъ: только-бы Госу-

дарь смилостивился и принялъ обратно на службу своихъ законопреступныхъ подданныхъ! Въ чьей исторіи искать аналогичныхъ разительныхъ примѣровъ глубочайшаго безкорыстія и беззавѣтной преданности монарху?

Въ противуположность безпощадной борьбѣ съ кореннымъ населеніемъ, которую вели напр. «бѣлые» колонизаторы Америки, достойно вниманія относительно весьма человѣчное отношеніе нашего простолюдина къ инородческому жизненному строю и правамъ на существованіе. Если разные самоѣды, остяки и бродячіе тунгузы вымираютъ въ силу измѣнившихся экономическихъ условій,—то не изъ-за жестокости господствующаго элемента, а потому что цивилизація часто прививаетъ дикарямъ страсти и пороки, не встрѣчающіе реакціи въ ихъ душѣ. Тутъ виновата не пришлая довольно примитивная культура,— но слабыя воли, гибнущія отъ соприкосновенія съ нею какъ насѣкомыя на огнѣ. Нельзя же отрицать, что изчезающимъ народностямъ на столѣтія хватило бы еще простора въ сѣверныхъ областяхъ Сибири! Инородцы,—съумѣвшіе не подпасть соблазнамъ,—свободно бродятъ годами въ поискахъ за звѣремъ, владѣютъ,—гдѣ имъ нужно,—рыбнымъ царствомъ, по прежнему занимаются въ обширнѣйшихъ размѣрахъ оленеводствомъ и т. д. Туземцы съ болѣе опредѣленнымъ національнымъ обликомъ (вродѣ якутовъ и бурятъ) въ свою очередь стойко выдерживали и выдерживаютъ «мирный» натискъ Россіи, дружелюбно принимали всѣмъ племенемъ (въ иныхъ мѣстностяхъ,— напр. въ Забайкальѣ,—даже еще тогда, пока менѣе прозорливые жители нынѣшней Иркутской губерніи оборонялись отъ казаковъ) горсть піонеровъ съ Запада, быстро вошли въ плотской и нравственный союзъ съ новоприбывшими богатырями, наложили на ихъ непосредственное потомство и послѣдующія восточно-сибирскія поколѣнія физическій отпечатокъ своей рассы, со вложенною имъ однако въ сердце русскою рѣчью, русскою вѣрой, русскою стремительностью духа.

Ничего нѣтъ легче для русскихъ людей, какъ ладить съ азіатами. Между ними и нами — такое сочетаніе единомыслія по существеннѣйшимъ жизненнымъ вопросамъ, что нѣкотораго рода родство душъ всегда опредѣляется быстро и самымъ тѣснымъ образомъ. При глубокомъ, почти коренномъ различіи національнаго психофизическаго облика, японецъ и

простаго званія русскій все какъ-то братски ближе другъ къ другу, чѣмъ къ европейцамъ. Житель «страны восходящаго солнца» инстинктивно чувствуетъ въ насъ часть того громаднаго духовнаго міра, который мистики наравнѣ съ педантичными учеными именуютъ туманнымъ словомъ «Востокъ», т. е. лоно зиждительнаго покоя, откуда на историческую арену искони выходятъ святить и озарять нашу юдоль великіе миротворцы и монархи-подвижники. Очевидно, не на конституціонномъ Западѣ просвѣтлѣли въ сознаніи народовъ прототипы глашатаевъ Истины и государей-самодержцевъ, въ которыхъ должна по умилительно искреннему вѣрованію простыхъ массъ жить и «творить благо» близкая къ совершенству душа, уже прошедшая длинный рядъ обусловливавшихъ одно другое перерожденій и нравственныхъ испытаній. Въ глазахъ цѣлаго милліарда въ извѣстномъ смыслѣ сознательно убѣжденныхъ людей верховный правитель есть именно и только Помазанникъ Божій. Индусы видятъ въ немъ воплощеніе Шивы или Кришны-Вишну, китайцы—отраженіе Неба, здѣшніе туземцы—потомка «богини солнца», монголы и тибетцы — творческій лучъ отъ существа Буддъ и т. д. Въ идеѣ всѣ сходятся: престолъ и скипетръ по волѣ неисповѣдимымъ судебъ могутъ становиться удѣломъ и неотъемлемымъ аттрибутомъ лишь избранныхъ исключительныхъ натуръ, которыя сразу—съ дѣтскихъ лѣтъ—вступаютъ въ область чисто матеріальной дѣйствительности и сложныхъ отношеній къ человѣчеству вообще, сохраняя тайныя прочныя нити непрерывнаго соприкосновенія со сверхчувственною природою вещей.

Съ момента, что азіатамъ дѣлаются ясны основы нашей Верховной власти, они съ нами едины духомъ. Тяжко плѣненный на Дальнемъ Востокѣ В. В. Головнинъ разсказываетъ, что когда онъ показалъ японцамъ своеручную подпись Государя Императора, то они наклонили голову къ самому почти столу и съ полминуты пробыли въ такомъ положеніи, лишь послѣ того осмѣлившись разсмотрѣть документъ. Съ тѣхъ поръ прошло много-много лѣтъ. При развитіи грамотности въ «странѣ восходящаго солнца» населеніе хорошо освоилось въ общихъ чертахъ съ тѣмъ, что такое—Россія.

XVI.

Съ той далекой поры, что надъ великой златоглавой Москвой, еще незадолго передъ тѣмъ бывшей маленькимъ сѣрымъ городомъ почти незамѣтнаго удѣльнаго княжества, почило благословеніе Святителей и блеснулъ творческій лучъ самодержавнаго сознанія, озарившій душу ея правителей,—съ той далекой поры наступавшій на насъ огнемъ и мечемъ Востокъ властно притягиваетъ взоры русскихъ людей, будитъ въ нихъ дремлющія силы и сказочную отвагу, зоветъ ихъ къ подвигамъ и движенію впередъ: за грани тусклой дѣйствительности, къ славному и свѣтлому неизреченному будущему! Нѣтъ и не было ни одного народа на землѣ, у котораго основы прошлаго такъ были бы связаны съ судьбами грядущаго, какъ это замѣчается на ростѣ Русскаго государства. Западный человѣкъ (нѣмецъ, французъ, англичанинъ, италіянецъ) за моремъ долженъ искать спасенія отъ одолѣвающей его дома тѣсноты, на пескѣ строитъ тамъ—на чужбинѣ—свое временное благополучіе и, чѣмъ крѣпче осѣдаетъ среди нея при наивыгоднѣйшихъ внѣшнихъ условіяхъ, тѣмъ осязательнѣе теряетъ всякую почву подъ ногами, потому что старушка-родина и онъ, добровольный изгнанникъ, являются двумя совершенно отрѣшенными другъ отъ друга мірами: за океаномъ, внѣ самобытно-родной жизни, можно добыть деньги и положеніе, но нельзя сохранить въ полной неприкосновенности (развѣ только искусственно и не надолго) духъ своего народа, его стремленія и завѣты... Одна Россія не знаетъ, что значитъ ежегодно высылать за свои предѣлы, въ мертвящую даль, тысячи сыновъ, не находящихъ себѣ пропитанія и убѣжища среди избытка богатствъ и труда, выпадающаго на долю соотечественниковъ. У насъ всякому найдется еще дѣла на сотни лѣтъ, у насъ всякій, у кого есть рабочія руки,—желанный гость на восточныхъ, или точнѣе юго-восточныхъ окраинахъ, гдѣ еще неизсякающимъ родникомъ бьетъ здоровая жизнь и манитъ вольная волюшка. Въ Азіи для насъ въ сущности нѣтъ и не можетъ быть границъ, кромѣ необузданнаго, какъ и духъ Русскаго народа, свободно плещущаго у ея береговъ необъятнаго синяго моря. Когда высказываешь столь очевидную истину, то обыкновенно слышишь возраженія: «къ чему намъ это? у насъ и такъ земли много!

мы и теперь уже расползлись и разрослись до чудовищныхъ размѣровъ въ ущербъ дѣлу управленія государствомъ и прямо во вредъ нашему коренному населенію...» Но для Всероссійской державы нѣтъ другаго исхода: или стать тѣмъ, чѣмъ она отъ вѣка призвана быть (міровою силой, сочетающею Западъ съ Востокомъ), или безславно и незамѣтно пойти по пути паденія, потому что Европа сама по себѣ насъ въ концѣ концовъ подавитъ внѣшнимъ превосходствомъ своимъ, а не нами пробужденные азіатскіе народы для Русскихъ со временемъ будутъ еще опаснѣе, чѣмъ западные иноплеменники. Погибели нашей, или униженія грядущаго естественно и въ помыслахъ допускать нельзя! Неизбѣжный ростъ Мономахова наслѣдія, торжество надъ враждебными началами, грядущее главенство Россіи въ предѣлахъ обширнѣйшаго и многолюднѣйшаго изъ материковъ нашему духовному оку представляются вполнѣ очевидными. Въ древности, и вообще въ старину,—пока средства сообщенія были не въ примѣръ труднѣе и хуже, чѣмъ въ наши дни, при сношеніяхъ съ отдаленнѣйшими окраинами, — огромныя царства тѣмъ не менѣе легко складывались, крѣпли и ширились на граняхъ полуварварской Европы и зыбкаго въ своихъ формахъ, но непоколебимаго въ своихъ основахъ Востока. Въ данное время, когда желѣзныя дороги и телеграфъ съ телефономъ (не говоря уже о другихъ ежечасно совершающихся важныхъ изобрѣтеніяхъ и усовершенствованіяхъ) до послѣдней степени упрощаютъ взаимныя связи между странами и народами,—едва ли умѣстно бояться разстояній, отчужденія другъ отъ друга частей единаго цѣлаго и т. п. Вѣдь условій пространства на дѣлѣ почти нѣтъ! Что нашимъ предкамъ казалось только близкимъ, намъ рисуется непосредственно лежащимъ передъ нашими взорами.

Все, что слухомъ жило и чудилось гдѣ-то тамъ, въ сказочной области, на краю свѣта,—нынѣ доступно и достижимо послѣ переѣзда въ нѣсколько недѣль. Двадцатое столѣтіе сулитъ еще больше неожиданностей въ этомъ отношеніи. Нельзя усыплять своей мысли и своего воображенія одними предразсудками и мнимыми ужасами отъ безспорно готовящихся событій, которыя все переиначатъ.

Если на порогѣ усложняющагося будущаго мы дѣйствительно жаждемъ нравственнаго исцѣленія, могучаго знанія и

небывалаго подвига «за Русь и Царя»,—намъ слѣдуетъ напередъ подумать о томъ, изъ чего и какъ создавалось наше отечество, чья кровь преимущественно струится въ нашихъ жилахъ, какими лучезарными завѣтами полно наше прошлое. Преобладающее значеніе въ немъ всегда выпадало на долю Азіи. Она насъ крушила, она же насъ и обновляла. Исключительно благодаря ей русское міровоззрѣніе выработало образъ христіанскаго Самодержца, поставленнаго Провидѣніемъ превыше суеты земной, средь сонмища иновѣрныхъ, но сочувствующихъ ему народностей. Извѣстный отрывокъ изъ «Голубиной книги» характерно отражаетъ положеніе нашихъ Государей на престолѣ Бѣлокаменной.

У насъ Бѣлый Царь—надъ царями Царь,
И онъ держитъ вѣру крещеную,
Вѣру крещеную, богомольную.
Стоитъ за вѣру христіанскую,
За домъ Пресвятыя Богородицы.
Всѣ орды ему преклонилися,
Всѣ языцы ему поклонилися:
Потому Бѣлый Царь—надъ царями царь...

Народныя пѣсни одинаково смотрятъ на свѣтскаго Московскаго владыку. Въ письмѣ Грознаго князю Курбскому еще осязательнѣе проглядываетъ сознаніе боговдохновенности истинно-царскихъ помышленій и вѣчныхъ заботъ о благѣ вѣрноподданныхъ: «земля правится Божьимъ милосердіемъ и Пречистыя Богородицы милостію, и всѣхъ Святыхъ молитвами, и родителей нашихъ благословеніемъ и послѣди Нами, Государями своими»... Гдѣ и когда, у кого изъ европейскихъ правителей было больше или столько же смиренномудрія при оцѣнкѣ того, что они собою представляютъ? Выражать свой взглядъ такими словами могъ только Царь, глубоко проникнутый восточными умозрѣніями, что міръ—во грѣхѣ и во лжи, онъ же—слабый смертный—силенъ и многовластенъ лишь незримымъ покровительствомъ чего-то свѣтлаго и безплотнаго, что вокругъ него творитъ и чѣмъ все держится...

Изъ этой-то святыни убѣжденія зародилась незыблемая вѣра правившихъ нами и самихъ управляемыхъ въ то, что Русь есть источникъ и очагъ непреоборимой мощи, которая лишь усугубляется отъ натиска враговъ. Востокъ вѣритъ не меньше насъ и совершенно подобно намъ въ сверхъестественныя свой-

ства русскаго народнаго духа, но цѣнитъ и понимаетъ ихъ исключительно, поскольку мы дорожимъ лучшимъ изъ завѣщаннаго намъ родною стариной: Самодержавіемъ. Безъ него Азія не способна искренно полюбить Россію и безболѣзненно отождествиться съ нею. Безъ него Европѣ, шутя, удалось бы расчленить и осилить насъ, какъ это ей удалось относительно испытывающихъ горькую участь западныхъ славянъ. Вопросъ заключается въ томъ, чьимъ нравственнымъ именемъ, чьею единою волею и впредь будетъ правиться Мономахово наслѣдье...

D02629778+
Duke University Libraries